

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Наталья Александрова

ЧАША ГЕРОСТРАТА

Во времена титанов был создан могущественный артефакт – чаша, превращающая любой напиток в эликсир бессмертия.

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Чаша Герострата

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Чаша Герострата / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2024 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-198323-9

Во времена титанов был создан могущественный артефакт — чаша, превращающая любой напиток в эликсир бессмертия. По прошествии веков она много раз сменила хозяев, однако древние правители Земли не потеряли надежду вернуть ее. Титаны уверены, что в этом им помогут человеческие слабости и сильные эмоции, например, ненависть. Именно это чувство полностью завладело Полиной Корольковой: бывшая коллега Александра сломала ей жизнь. Однажды девушка находит в своем почтовом ящике листовку с приглашением на прием к коучу, который работает с такой сильной эмоцией. В качестве терапии коуч предлагает ей разработать схему идеального убийства Александры. Как ни странно, Полине это помогает, она и в самом деле начинает чувствовать себя гораздо лучше. Но продолжается это недолго, через три дня девушка узнает, что Александра убита, причем именно так, как спланировала Полина, и все улики указывают на Полину...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198323-9

© Александрова Н. Н., 2024
© Эксмо, 2024

Наталья Николаевна Александрова

Чаша Герострата

Роман

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Александрова Н. Н., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

* * *

Сегодня утром я снова ее видела. Она шла со стоянки, оставив там машину – дорогую красную «Мазду». Я же торопилась в офис от остановки автобуса и едва успела скакнуть за афишную тумбу, чтобы не столкнуться с ней лицом к лицу.

Если бы это произошло, я бы не выдержала. Что бы я сделала? Вцепилась бы ей в волосы? Выцарапала бы ей глаза? Вот так просто ни с того ни с сего набросилась бы на нее посреди дороги?

Ерунда, ничего этого я бы не сделала, потому что я знаю: если мы столкнемся, я сразу же впаду в ступор и застыну посреди улицы, не смея пошевелиться. Если уж я ничего не сделала тогда, полгода назад, то теперь уж точно не смогу. Тем более что она небось и забыла о моем существовании, такие люди не держат в памяти незначительных личностей, которые ничем не могут им помешать.

Итак, на этот раз обошлось, если не считать того, что я таки опоздала в офис, и начальник, заметив это, укоризненно покачал головой, а Лизавета Павловна, бухгалтер, тут же спросила, что со мной, отчего я такая бледная и почему у меня дрожат руки.

– Машина чуть не сбила, – ляпнула я первое, что пришло в голову. С нашей Лизаветой нельзя отвечать уклончиво, и подальше послать тоже нельзя, нужно давать четкие и быстрые ответы.

– Какая машина? – тут же оживилась она.

– Красная «Мазда», – снова ляпнула я, – ездят как хотят.

Я тут же пожалела о сказанном и на вопрос Лизаветы, запомнила ли я номер машины, только махнула рукой и скрылась в туалете.

Там я посмотрела на себя в зеркало. Вид и правда был неважный. Бледная до синевы, и руки трясутся.

Чего я так боюсь? Что она меня узнает? Да за эти полгода я так ужасно изменилась, что меня родная мать не узнала бы. Если бы она была жива.

Да, если бы мама была жива, со мной не случилось бы ничего подобного тому, что произошло полгода назад. Но возможно, я просто выдаю желаемое за действительное.

Но мамы нет в живых уже... да почти три года, как ее унесла болезнь. С отцом они развелись задолго до этого, и мы с ним почти не поддерживали отношений, а сейчас уж и подавно не жаждем встречаться. У него давно уже другая жена, и, кажется, там есть ребенок... девочка или мальчик, я понятия не имею. Больше родных у меня нет, так что пожаловаться совершенно некому.

И надо же было такому случиться! Полгода, прошло больше полугода, и я не то чтобы успокоилась, но почти перестала просыпаться ночами в холодном поту и с криком, застрявшим в глотке. Я не то чтобы забыла все, что случилось, но воспоминания перестали тревожить меня ежечасно. Иногда можно было сосредоточиться на работе, если днем, или на каком-нибудь сериале, если вечером.

И вот неделю назад я внезапно увидела ее – шикарную, ухоженную блондинку с длинными волосами, свободной волной растекающимися по спине.

В первый момент я не поверила своим глазам, во вторую секунду я решила, что ошиблась, это не может быть она. В третью секунду я осознала, что это именно она, та самая, из-за которой моя жизнь превратилась в череду унылых дней, когда с самого утра начинаешь считать часы до того, как можно будет лечь спать.

В эти дни ничего никогда не происходит, все заранее подчинено монотонному, раз и навсегда устроенному плану: подъем по будильнику, который совершенно не нужен, поскольку я просыпаюсь за полчаса до его звонка. Если вообще сплю, хотя сон такой же унылый и скучный – без сновидений и без надежды, что утром все будет по-новому.

Да ничего не будет нового, все то же самое: невкусный завтрак, причем, что бы ни стояло на столе, все равно невкусно: пресный обезжиренный йогурт, яичница, поджаренная до резинового состояния, если каша, то обязательно подгорелая, даже если стоять над ней, непрерывно помешивая.

Кофе горький, сколько ни добавляй сахару.

Пробовала вообще не завтракать – не то чтобы помогает, но все же надо как-то силы поддерживать, а то в метро едва в обморок не грохнулась...

Обеденный перерыв в офисе для всех один, и та же Лизавета Павловна обязательно заметит, что я не хожу в кафе внизу или не покупаю сэндвичи в ларьке через дорогу.

Сама она приносит из дома что-то диетическое и ест это на рабочем месте. Таким образом она всегда в курсе, кто с кем обедает, кто чем питается, так что, если я не стану никуда ходить, она тут же заподозрит неладное, а именно что я беременна.

Отчего-то у нее на этом деле пунктик: она выслеживает нас, молодых, с упорством, достойным лучшего применения. И как только убедится, что ее подозрения подтверждаются, – так сразу же сообщает об этом начальнику. Зачем она это делает, никому не понятно, включая самого начальника, – дело-то абсолютно житейское. Может, из зависти? Своих детей у нее нет, и даже, кажется, замужем она никогда не была.

Так что мне приходится ходить в кафе и давиться там пастой или пиццей, причем даже если брать самую острую, все равно никакого вкуса я не чувствую, только язык щиплет. Или же я покупаю сэндвич и спокойно скармливаю его Польке – здоровенной дворняге, которая вечно толчется возле ларька.

Какой-то шутник из офисного здания назвал пса Аполлинером, якобы пес откликается только на это имя. Чистое вранье, потому что все переделали его в Польку. Ко мне он питает особую привязанность, потому что мы тезки. Я не представилась? Меня зовут Полина.

Полина Королькова, одинокая, тридцати лет, за душой ничего, кроме однокомнатной квартиры, да и та в ипотеке.

Какой я вижу себя в зеркале? Худая, унылая девица, плечи опущены, глаза смотрят куда-то вниз, одежда не то чтобы висит, но видно, что великовата. И от этого кажется, что все на мне

с чужого плеча. Новую одежду я купить не могу, и даже не потому, что нет денег, а просто... зачем? Мне ничего не хочется, нет никаких желаний.

Вот в таком состоянии я увидела ее.

И осознала, что это именно она, та самая, которая... из-за которой все и случилось.

И судя по тому, что она поставила машину на место для сотрудников, она теперь работает в том же офисном здании, что и я. Здание огромное, фирм много, людей тоже, но при моей невезучести рано или поздно мы столкнемся с ней лицом к лицу.

И тогда она меня все же узнает.

Что она сделает? Просто пройдет мимо?

Нет, вы не знаете эту стерву. Она не просто кивнет, она остановится и заговорит. Так что, увидев такое со стороны, все подумают, что мы старые знакомые.

А я ничего не смогу сделать, даже достойно ответить не смогу, потому что язык у меня тут же присохнет к гортани и слова застрянут в горле как кость.

Господи, в нашем городе столько офисных зданий, так почему ты определил ее в фирму, которая находится там же, где и я работаю! Ну за что, скажи, Господи? За какие мои грехи? Если и были они у меня, то давно их искупила...

Уволиться? Но когда еще найдешь работу, сейчас это трудно. А я не могу себе позволить просидеть без работы несколько месяцев, потому что у меня ипотека. Что делать?

Да ничего! Ничего я не смогу сделать, как не смогла ничего сделать полгода назад. Но тогда я выдержала, а сейчас выдержать не смогу. Господи, как же я ее ненавижу!

Все у меня было хорошо. После смерти мамы я долго не могла оправиться, потому, наверно, что не было рядом никого из родственников, ни братьев-сестер, ни хоть кого-нибудь, кто знал меня в детстве и помнил маму.

Отец, конечно, явился на похороны, но, как оказалось, лишь затем, чтобы напомнить, что квартира наша была в собственности на нас троих, так что теперь, когда мамы не стало, нужно с этим разобраться.

Квартира хорошая, трехкомнатная, мне одной в ней будет слишком просторно, а ему лишняя жилплощадь не помешает, у него семья.

Раньше он не поднимал этот вопрос, потому что мама болела, а теперь вот...

И все, больше никаких слов утешения я от него не дождалась. Ну я и не ждала ничего.

Навалились дела, нужно было все разобрать, к тому же были долги, потому что лекарства мамины очень дорогие. И потом, когда мы продали квартиру, денег хватило только на взнос для однушки. Но тем не менее было два положительных момента: во-первых, у меня появилась своя собственная квартира, а во-вторых, судя по всему, мне больше незачем встречаться с отцом. Общих дел у нас теперь никаких нету, ни он, ни я не жаждем общения.

И вот, когда я успокоилась и даже съездила в отпуск в Турцию по горячей путевке, мне подвернулась новая работа, а там... там был Вадим. Старше меня, не красавец и, что хуже всего, мой непосредственный начальник.

То есть я совершенно не рассматривала его как перспективный вариант. Я тогда вообще не думала о том, что нужно заводить какие-то отношения, мне хотелось просто прийти в себя после тех ужасных месяцев, когда мама болела, а потом умирала.

И первое время, когда прошел шок и были переделаны самые неотложные дела, я просто не знала, куда себя девать, отвыкла уже от свободы.

Просветили меня девчонки из офиса, когда мы как-то устроили девичник и зачем-то жутко напились.

Тут-то Ленка Мелехова и открыла мне глаза: так, мол, и так, наш Вадик на тебя серьезно запал, а ты что по этому поводу думаешь? Если он тебе на фиг не нужен, то прямо дай понять человеку, чтобы не питал напрасных надежд, а мы уж тут подсуетимся и найдем кого-нибудь ему, чтобы утешил. Потому как мужик вроде неплохой, чего зря добру пропадать?

Видя мои иумленно вытаращенные глаза, девчонки откровенно заржали. Они просто покатывались со смеху, так что даже подошел официант и опасно спросил, все ли у нас в порядке и не подать ли кофе покрепче.

Ленка отогнала его величественным мановением руки, крикнув вслед, чтобы принес десертную карту, а кофе тоже можно, но потом. Затем она призвала девчонок к порядку, поскольку знала о моих обстоятельствах. Мы с ней жили в соседних домах и учились в школе в параллельных классах, близко не дружили, но ее мама хорошо знала мою маму, все же в одном дворе жили.

Именно по Ленкиной рекомендации я устроилась в эту фирму. Не то чтобы ее рекомендация что-то значила, просто благодаря ей я не была человеком со стороны, как остальные две кандидатки, что в конце концов и решило вопрос.

Так что сейчас Ленка перевела разговор на другое, убедившись, что донесла до меня нужную информацию.

Как я потом поняла, Вадим и обратил на меня внимание только потому, что я совершенно не обращала внимания на него. То есть я старалась работать как можно лучше, поскольку меня устраивала зарплата и не хотелось подводить Ленку.

Он-то первое время держался со мной преувеличенно сухо, потому что привык уже, что новенькие сотрудницы сразу же начинают проявлять к нему повышенный интерес. Довольно обеспеченный молодой мужчина, с хорошей зарплатой и собственной квартирой, очень удачный вариант, так что Вадим привык уже держаться настороже.

Однако в моем случае проходили недели, а я никакого интереса не проявляла – говорила уже, просто в то время не собиралась заводить отношения.

Был у меня парень, когда мы учились еще в институте, но, пока мама болела, он незаметно отпал. Понятия не имею, где он сейчас.

В общем, благодаря Ленке я стала кое-что замечать. К тому времени Вадим уже созрел, потому что не привык, чтобы его так долго игнорировали. Тем более что даже ему было ясно, что делаю я это не напоказ, а просто он для меня ничего не значит.

Тогда, почти год назад, он обрушил на меня всю силу своего мужского обаяния, он очень красиво ухаживал, да еще мы должны были скрывать все это от сотрудников, что придавало нашему роману дополнительный романтический колорит. Разумеется, сотрудники все знали, но по наущению Ленки Мелеховой делали вид, что все без исключения слепы и глухи.

Мы стали встречаться, потом сблизились настолько, что я иногда ночевала у него. У него была хорошая квартира, и жил он там один, оборудовав ее по своему вкусу.

Еще с первых встреч Вадим ненавязчиво дал мне понять, что не собирается ничего менять в своей жизни, что его полностью устраивает нынешнее положение вещей.

Это говорилось для того, чтобы я не начала строить matrimониальные планы. А я, как уже говорилось, и не собиралась. Меня вполне устраивали встречи раза три в неделю, а так-то мы виделись в офисе каждый день, но общались только по работе.

Надо отдать должное Ленке Мелеховой: она не только сама не лезла ко мне с ненужными расспросами, но и как могла сдерживала любопытство окружающих.

Так продолжалось несколько месяцев, пока я вдруг не осознала, что нужно как-то определяться. Как-то наш роман протекал уж очень спокойно и буднично, как будто мы знакомы уже лет пятнадцать.

На работе Вадим со всеми держался суховато, но вежливо, но как-то я заметила, что он болтает с девчонками за кофе, а когда я вошла, то они примолкли, а Вадим, поглядев на меня, не сумел удержать из глаз легкое раздражение.

То есть он еще не осознал, что я ему мешаю, но скоро это случится. Он не станет срываться на меня при посторонних, но поймет наконец, что зря он все это затеял, то есть зря закрутил роман с сотрудницей, да еще с подчиненной.

То есть он-то, разумеется, сам себе не признается, что совершил ошибку, такого ни один мужчина не сделает. Но будет злиться на меня. И что тогда делать? Только увольняться с работы. Но меня вполне устраивает зарплата и коллектив, и сама работа нравится, я вовсе не хочу срываться с места.

Вот вы поймите меня правильно. Я вовсе не такая умная, какой выгляжу сейчас, когда прошло больше полугода с того дня, когда моя жизнь превратилась в череду скучных, унылых дней, когда утром ждешь, чтобы скорее наступил вечер, а вечером, ложась в постель, мечтаешь поскорее заснуть и проспать до утра.

Не всегда получается, но про это я уже говорила.

Так вот, я потому так четко вычислила мысли Вадима, что относилась к нему довольно спокойно. Он мне нравился, но поскольку он всячески подчеркивал, чтобы я особо не надеялась на что-то серьезное, то я и не надеялась. То есть он-то думал, что делает свои намеки достаточно тонко, но я с детства отличалась понятливостью, мне не нужно было ничего повторять по три раза.

Знаю, что мужчины не любят выяснять отношения, я и сама не очень это люблю, в последний раз делала такое... если не ошибаюсь, классе в восьмом, когда Вовка Тимофеев, с которым вроде бы у нас была любовь, был мной лично замечен целующимся с моей закадычной подружкой Аленой.

Дело происходило, как водится, на школьной новогодней дискотеке. Отчего-то мне стало тогда обидно до слез, я бросилась на улицу, а был мороз. И вот когда я в туфельках и коротком платье вступила в сугроб, то все прошло: и любовь, и обида – и я развернулась и хотела уже войти в тепло, но тут на моем пути возник Вовка, который в лучших традициях стал винить во всем только меня.

Я, дескать, его никогда не понимала, относилась к нему свысока, не ценила, не уважала и так далее. И главное, что он, такой здоровенный, стоял на узкой, протоптанной в снегу тропинке и я не могла его обойти. В общем, чтобы войти в тепло, пришлось со всем согласиться: да, я такая, я во всем виновата и я его прощаю.

Все это я едва выговорила, стуча зубами от холода, с ужасом думая, что подхвачу после всего воспаление легких и проваляюсь все каникулы в постели.

Скажу сразу: я тогда не заболела даже насморком, но Вовку, явившегося в первый день каникул с цветами, мама по моей просьбе выгнала прочь веником. С Аленой мы тихо разошлись, с тех пор я терпеть не могу выяснять отношения. И близких друзей у меня нет.

Историю эту давнюю я вспомнила только для того, чтобы объяснить свою пассивность. И к тому же можно было списать раздражительность Вадима на работу.

Он готовил новый, какой-то особенный проект и был очень им увлечен и занят. Он вообще очень серьезно относился к работе и был озабочен собственной карьерой.

Не берусь судить, насколько интересен был проект, но Вадим придавал ему огромное значение. Он часто бывал у начальства на совещаниях, и поговаривали, что если все с проектом пройдет удачно, то его ждет крупное повышение.

Так и шло время, и пока я раздумывала, что делать дальше со своей жизнью, а Вадим занимался работой, в нашем офисе появилась она. Александра.

Такая шикарная блондинка. Женщина в красном. Ее взяли на какую-то мелкую должность, потому что сотрудница ушла в декрет. Но обещала вернуться через несколько месяцев, поэтому и взяли человека на временную ставку.

Ну что сказать? Помню, мы с Ленкой обсудили новую сотрудницу и решили, что такая женщина вряд ли надолго задержится в нашем болоте, ей в нашей фирме просто нечего делать. Однако держалась она дружелюбно, ходила пить кофе вместе со всеми, о себе говорила мало, что тоже, несомненно, было в ее пользу.

Помню, тогда подошла вторая годовщина со смерти мамы и я здорово приуныла, осознав собственное одиночество. Тем более что звонили ее подруги и бывшие коллеги, со всеми нужно было разговаривать и рассказывать про собственную жизнь, чего я терпеть не могу, особенно если люди малознакомые.

Отец, кстати, никак не проявился, ну я и не ждала от него звонка.

В общем, недели за две я отстранилась от Вадима, мы встречались только на работе, и то мельком. Он был очень занят и не звонил мне, чему я была рада, поскольку совершенно не было настроения общаться ни с кем, даже с ним.

И вот как-то мы с Ленкой Мелеховой столкнулись в коридоре, и она схватила меня за рукав и спросила в лоб, что у меня с Вадимом.

Ленка всегда ко мне хорошо относилась, поэтому я сдержала ответ в духе: «А твое какое дело?» А вместо этого сказала про мамину годовщину. Ленка тут же обняла меня и покаялась, что сама забыла. А потом... помявшись, все же сказала, что эта новенькая, Александра, все время крутится возле Вадима.

Ничего такого, они не уединяются и разговоры ведут совершенно прозрачные и невинные, но все же хотелось бы знать, что если у нас с ним все, то и черт бы с ней, с этой Александрой. А если не все, то надобно мне ее как-то отвадить, а то как бы поздно не было. Ведь, судя по всему, у нас с Вадимом было все достаточно серьезно, во всяком случае, коллектив так и думал.

Вот теперь я поняла, отчего сотрудницы странно на меня поглядывали. Ага, оказывается, все вокруг все знают, одна я, как полная дура, нахожусь в неведении.

Говорила уже, что с юности не терплю никаких выяснений отношений, но, с другой стороны, еще больше не терплю, когда шепчутся и сплетничают за спиной.

В это время Ленку кто-то отвлек, а я тогда села у себя в уголке и стала думать.

Что это – вымыслы досужих сплетниц или и правда эта Александра положила глаз на Вадима?

Вряд ли он сам решил завести новый роман, все же за время нашего знакомства я достаточно его изучила. Не настолько Вадим глуп, чтобы совершать такую же ошибку, а именно: заводить роман с подчиненной. Он уже пожалел об этом, я знаю. К тому же сейчас он и правда очень занят, ему не до этого.

Значит, это инициатива этой самой девушки в красном. Но если я сейчас попытаюсь начать разбираться с Вадимом, выяснять отношения, он просто пошлет меня подальше, скажет: что я, не могла другого времени найти? Ему сейчас не до этого.

Так что решительный разговор нужно отложить (от этой мысли мне здорово полегчало).

С другой стороны, так ли уж нужен мне Вадим, чтобы я стала за него бороться? Может быть, спустить все это на тормозах, ничего не выясняя и не расставляя все точки над «i»?

Притвориться, что называется, шлангом, делать вид, что ничего не замечаю, самой Вадиму не звонить... может, таким образом все постепенно сойдет на нет... и не придется выдерживать долгий, нудный скандал, в результате которого я же еще останусь виноватой. Уж я-то знаю, что так и будет.

И вот, пока я мучилась, не в силах заставить себя принять хоть какое-то решение, то есть попросту прятала голову в песок, как страус, все и случилось.

С утра в пятницу Вадима вызвали к начальству, оттуда долго слышались крики, потом Вадим вышел весь бледный до синевы, прошел к себе, ни на кого не глядя, и сел за компьютер.

Начальник вышел, наоборот, весь красный, глаза выпучены, как у вареного рака, так что секретарша Мария Петровна даже испугалась, не хватил ли его удар. Но благоразумно сдержала вопросы, сообразив, что лучше сейчас ему под горячую руку не попадаться.

Начальник тоже куда-то ушел, а Ленка приступила к ней с расспросами. Но сделала это незаметно, перехватив Марию Петровну возле туалета.

Та долго отнекивалась, но секретарши все всегда слышат и знают, так что из намеков и недомолвок мы выяснили, что проект Вадима каким-то образом оказался у конкурентов и они уже заявили его как свой собственный.

Как-то там было очень важно, кто первый заявит, то есть получилось, что Вадим вроде как вообще ни при чем, и мало того что вся его работа пошла коту под хвост, так еще и конкуренты получили такой подарочек за просто так.

Ясно, отчего начальник на него орал и вообще, наверно, пообещал его уволить. Какое уж тут повышение!

Первой моей мыслью было бежать к Вадиму, чтобы его утешить. Все же мы встречались несколько месяцев. Но я никак не могла этого сделать при посторонних и решила дожидаться конца рабочего дня. Тем более что к нему пришел парень из компьютерного отдела и просидел там до самого обеда. А после обеда Вадим в офисе не появился.

Я кое-как досидела до конца рабочего дня и отправилась домой в колебаниях, звонить ли Вадиму.

Или, может, поехать к нему?

Но так и не решилась ни на что, уж больно странные и неопределенные были у нас отношения. Вроде бы встречались несколько месяцев, но со своими друзьями он меня не знакомил, с родителями тоже, хотя я и не изъявляла особого желания. И вот теперь что-то мне подсказывало, что Вадим отнюдь не обрадуется моему появлению.

Дома я все же отправила ему сообщение: «Как ты, где ты?» Ответа не получила и держала телефон поблизости. Бродила по комнате, бесцельно перекладывая вещи, выпила чаю, есть не хотелось. Затем призвала себя к порядку и решила хоть в квартире прибраться.

И вот, когда я протирала пол в прихожей, в дверь позвонили. Я заглянула в глазок и увидела там Вадима.

Помню, удивилась еще, как он проник в подъезд... ну, время не позднее, как раз все с работы идут, вот и прошел с кем-то. Когда открывала дверь, единственное, что меня заботило, – это то, что Вадим увидит меня в старых спортивных штанах и растянутой майке. Ну не в вечернем же платье полы мыть!

– Дорогой... – начала я, складывая губы в приветливую улыбку, – как же я рада...

Остальное я договорить не успела, потому что от его сильного толчка пролетела всю свою маленькую прихожую и приземлилась в углу, опрокинув по дороге ведро с грязной водой.

Вадим тут же ввалился в квартиру, захлопнув за собой дверь. Одним прыжком он пересек прихожую и навис надо мной.

– Ты... – выдохнул он, – ты...

К тому времени я оправилась от такого неожиданного появления и сумела разглядеть его получше. Откровенно говоря, вид его не внушал никаких добрых чувств.

Если раньше я говорила, что он не был красавцем, то сейчас выглядел просто ужасно. Глаза его были абсолютно белые от злости, и если утром он казался бледным до синевы, то сейчас все лицо его пошло красными пятнами.

Первая моя мысль была, что он пьян. Ну напился с горя, дело житейское. Но спиртным от него не пахло. Пахло злобой и ненавистью, и в глазах было то же самое.

– Ты... – прохрипел он снова, – ты... – и тряхнул меня так, что все кости перемешались.

– Да что такое, что с тобой? – Я не на шутку испугалась.

Пьян он или рехнулся от потери важного проекта, но он в ужасном состоянии. А я с ним одна в квартире, и дверь закрыта. И локоть болит, которым стукнулась об стенку, когда он меня толкнул. Здорово толкнул, между прочим.

– Ты еще спрашиваешь, что со мной? – не своим голосом заговорил Вадим и перестал надо мной нависать, так что я смогла встать, опираясь на стену.

И тут же ощутила, что не только локоть болит, но еще и брюки мокрые, потому что села прямо в лужу грязной воды. Сами понимаете, это меня не порадовало. Пора было принимать меры. Следовало выставить Вадима как можно скорее. Разумеется, у него неприятности, но я-то тут при чем? Нечего на мне отыгрываться, я ему не жена.

– Ты, ты во всем виновата! – заговорил он. – Я, как полный дурак, тебе доверял, вот что бывает, если пустить в дом непонятно кого.

– Ты о чем вообще? – Я даже удивилась.

– Кончай придуриваться! – заорал он и двинулся ко мне.

И если раньше я боялась, что услышат соседи, то сейчас, пожалуй, обрадовалась бы, если бы кто-то позвонил в дверь.

– Ты его украла! – снова заорал он.

– Кого? – Я честно ничего не понимала.

И едва снова не села на пол от его пощечины. Я попятилась, а он наступал на меня и шипел вообще не своим голосом:

– Ты, такая-сякая, дрянь подзаборная, я сам дурак, расслабился, забыл, что нельзя верить таким, как ты...

«Каким, – подумала я машинально, – что он имеет в виду?» Но вопроса, разумеется, не задала, меня занимало другое: как бы обойти Вадима, пробраться к двери, распахнуть ее и если не заорать: «Караул, убивают!» – то хотя бы выскочить на лестницу. И пусть все соседи узнают, мне наплевать. А то этот псих ненормальный снова меня ударит.

Меня никто никогда не бил, даже в детстве ни один мальчишка не стукнул. Отец относился ко мне довольно равнодушно, но за все время, что мы жили втроем, пальцем не тронул. И голос редко повышал, он меня просто не замечал, а потом вообще ушел. И не пытался со мной увидеться, на день рождения там или на Новый год подарочек вручить. Алименты, правда, платил исправно до восемнадцати лет, как положено.

Поэтому я даже не разозлилась, а просто поняла, что все у нас с Вадимом кончено. Раз и навсегда. А если кончено, то и нечего отношения выяснять, быстро его выгнать – и все.

Но не тут-то было. Вадим вовсе не собирался уходить. Он вошел в раж и понес уже такое, что у меня просто уши завяли.

Какими только словами он меня не называл! Перечислить не могу, даже не все запомнила. Я не ханжа, но таких слов и не знала вовсе. И тем более не ожидала их от такого, в общем, приличного мужчины, как Вадим.

И куда все делось? И как я могла... с ним...

– Да какого черта? – не выдержала я. – Что тебе от меня надо? Хочешь на мне злость сорвать?

– Убил бы тебя! – выдохнул он. – Да толку теперь... Вот что бывает, когдапустишь в дом приبلудную...

Дальше пошел сплошной мат, сквозь который я все же поняла суть. Оказывается, Вадим уверен, что проект украла именно я.

– Ты с ума сошел? – Я даже фыркнула, хотя мне было не до смеха, просто его слова звучали настолько дико, что я даже не нашлась, что ответить. – Да я понятия не имела, что там у тебя за проект! Вообще, зачем мне это?

– За деньги... – сказал он вроде бы спокойно, – за большие деньги. Тебе, нищете болотной, такие деньги и не снились. Только ты все равно их не потратишь, я этого не допущу...

– Ты псих! – сказала я устало. – Иди уже домой, успокойся. Водички холодной выпей.

– Ты думаешь, я просто так болтаю, на пустом месте? – Он меня не слышал. – Проект был отправлен конкурентам с твоего компьютера, думаешь, зря у меня Генка полдня просидел? Он все выяснил, он крутой специалист. Ты втерлась ко мне в дом, спала со мной, только притво-

риться не сумела толком, вобла сушеная, от тебя в постели тошнит! Вызнала между делом все пароли, я, дурак, дома расслабился, не ждал ничего от такой дуры...

Теперь я его не слышала, потому что в голове у меня будто просветлело. Я-то знаю, что не крада его проекта и уже тем более не отправляла его конкурентам со своего компьютера, зачем же делать такую глупость?

Так вот зачем возле него вертелась Александра! Теперь все понятно, это она все подстроила. А я-то гадала, не могла понять, что она в нем нашла...

– Послушай... – вклинилась было я, но Вадим не дал мне и слова сказать.

– Заткнись! – заорал он. – Заткнись, а то я не знаю, что сделаю.

– Отвали от меня! – Я тоже заорала, потеряв терпение, и схватила швабру. – Выметайся из моего дома, козел!

Он без труда вырвал швабру у меня из рук, и я оказалась слишком близко к нему. Его глаза жгли ненавистью, как серная кислота, он прошипел еще одно неприличное слово и ударил меня по второй щеке. Гораздо сильнее, так, что я снова отлетела к стене – приходящая-то маленькая. А он надвигался на меня, неотвратно, как товарный состав, и поднял уже ногу, чтобы ударить меня под ребра. И я поняла, что он будет меня бить и бить, пока не искалечит окончательно.

И что взывать к его здравому смыслу бесполезно.

Сама не понимаю, как у меня получилось, но за долю секунды до того, как его ботинок ударил меня в грудь, я сумела подставить пустое ведро, что валялось рядом.

Вадим с размаху вступил в ведро, нога у него застряла, а мне удалось его отпихнуть. Он поскользнулся на мокром полу и грохнулся со всего размаха.

– Пошел вон! – прошипела я, в свою очередь вставая.

Щека жутко болела, так что получилось невнятно.

Очевидно, он малость пришел в себя, опомнился и встал. А пока вытаскивал ногу из ведра, я глянула в зеркало и обомлела, не узнав собственное лицо.

Щека оплывала на глазах, и я буквально озверела, представив, как пойду в таком виде завтра на работу.

– Чтоб ты сдох! – заорала я Вадиму.

Он бросил ведро на пол и вышел, не взглянув на меня. И даже дверью не хлопнул. Я выждала некоторое время, подкралась к двери и заперла ее на все замки. Потом подошла к окну и увидела, как машина Вадима выезжает из двора.

И только потом, оглядев разоренную прихожую, а главное, снова увидев в зеркале свою физиономию, я заревела злыми слезами. Но долго реветь не было никакого смысла: никто не придет и не поможет, не утешит, не погладит по головке, не приложит мокрое полотенце и не принесет водички. И лицу от слез только хуже станет.

Так что я достала из морозилки упаковку замороженного горошка, завернула его в полотенце, приложила к щеке и присела на диван. А потом напилась валерьянки и поменяла разморожившийся горошек на пакет капусты брокколи.

До ночи я пыталась что-то сделать с лицом, но утром увидела, что опухоль спала, зато проявились синяки, на одной щеке – небольшой, а на другой – заметный. Помянув недобрым словом Вадима, я позвонила секретарше Марии Павловне и попросила записать мне сегодня отгул, болею, мол, никак не могу на работу выйти.

Она долго не отвечала, потом спросила каким-то странным, неживым голосом:

– Ты что, ничего не знаешь?

– А что? – Я поняла, что случилось что-то еще, кроме украденного проекта.

Она снова помолчала, а потом, видимо решившись, сказала, что вот только что звонили из полиции, что Вадим вчера вечером ехал на машине и, будучи, вероятно, в расстроенных чувствах, не справился с управлением и с размаху врезался в огромный грузовик.

Было такое чувство, что меня ударили под дых. Помню, я вспомнила вчерашний вечер, как Вадим занес ногу с намерением ударить меня по ребрам, и поняла, что ему все же удалось меня добить.

– Он в больнице? – прохрипела я, потому что Мария Петровна заволновалась.

– Насмерть! – послышался голос начальника, который, очевидно, слушал наш разговор по параллельному телефону.

Через какое-то время я очнулась от прострации и повесила плачущую трубку. И телефон тут же взорвался негодующими звонками. Секретарша сказала, что начальник велел мне явиться на работу в любом виде, но как можно скорее. И что лучше мне послушаться, а то как бы хуже не было. Куда уж хуже!

Как я ни старалась замазать синяки, они все равно проступали. И одна щека все еще пухла. Пришлось надеть темные очки – это в феврале-то месяце!

Как ни странно, мои синяки убедили начальника в моей виновности. То есть понятно, кто мне их наставил, и ясно, что за дело.

Мария Петровна встретила меня в приемной и сказала, чтобы я заходила в кабинет немедленно. При этом глаз не отводила, а смотрела сурово.

– Вот что, Королькова, – сказал начальник, – вот тебе ручка, пиши заявление по собственному желанию. Отработки не нужно, и чтобы я с завтрашнего дня тебя здесь не видел. И в твоих интересах не болтать об этой истории.

– Но я... – попыталась я что-то сказать.

– Молчать! – заорал он и стукнул кулаком по столу. – Молчать и не смей разговаривать. Скажи еще спасибо, что я не даю хода этой истории! Так что пиши заявление и выметайся из моей фирмы! – Он даже вышел из кабинета, видно, и правда не мог на меня смотреть.

И я поняла, что, если расскажу ему сейчас про Александру, он ни за что не поверит, да и слушать не станет. А даже если и поверит, то кому это сейчас интересно? Вадим мертв, проект украли, как говорится, поезд ушел, одна я осталась на перроне как полная дура.

Ну что ж, я написала заявление и оставила его на столе, а потом пошла собрать вещи.

– Уже, – сказала Мария Петровна и протянула мне коробку, что стояла у нее в углу.

Я проверила только мамину фотографию, что лежала у меня в ящике стола, а она еще добавила, что сама обойдет всех с бегунком и вынесет мне завтра документы, чтобы я не поднималась.

Ленка Мелехова тогда была в отпуске – каталась на лыжах в Красной Поляне, остальные девчонки, запуганные начальником, даже не вышли со мной проститься.

И как вы думаете, кто встретился мне в коридоре? Она самая, Александра, женщина в красном.

И вот тогда я впервые почувствовала силу ненависти.

В дальнейшей моей жизни не было ничего хорошего. Примерно месяц, пока не кончились деньги, я находилась в ужасном состоянии. Хоть не было у меня о Вадиме хороших воспоминаний, все же это я пожелала ему в сердцах, чтоб он сдох. Так оно и вышло. В ушах стояли все те слова, которыми он обзывал меня перед уходом, а перед глазами – с каким презрением смотрел на меня начальник.

И еще Александра – красивая, уверенная в себе...

Подумывала я о самоубийстве, но останавливала мысль, что нужно это как-то организовать, что ли. А если не получится? Останешься инвалидом навсегда...

В общем, когда кончились деньги, я пошла устраиваться на работу. С потерей оклада, не на ту должность, в крошечную фирмочку все же взяли.

И вот, когда я не то чтобы пришла в себя, но как-то заостенела, законсервировалась в таком состоянии, нужно же было снова появиться в моей жизни Александре!..

Я задержалась в офисе, потому что забыла там зонтик. Перед самым концом рабочего дня небо заволочило тучами, которые явно собирались пролиться дождем.

Зонтик лежал в ящике стола, так что пришлось мне вернуться, хорошо, что начальник еще не ушел и на мои извинения что-то буркнул из кабинета.

И вот, торопясь по пустым коридорам, я услышала смех Александры. Этот смех я не забуду до конца жизни.

И да, она шла к лифтам в компании сотрудников фирмы. Кажется, там были сплошь мужчины.

Они вились вокруг нее, как мотыльки вокруг лампы. (Правильнее было бы сказать, как мухи над кучей кое-чего, но я не стану этого делать только потому, что вы подумаете, что я просто завидую.)

В самом деле, кто я и кто она? Достаточно бросить на нас двоих один только взгляд, и все станет ясно.

Красивая, эффектная блондинка с отличной фигурой, она, кроме того, еще умна и успешна, это сразу видно. А я – жалкая, никчемная, бесцветная неудачница, одинокая и неприкаянная, да к тому же еще и в глубокой депрессии.

И кто же поверит, что это именно она, Александра, является единственной причиной всех моих бед? Да она меня в упор не видит, я для нее просто не существую!

Так и оказалось. Вся эта компания меня просто не заметила. Нет меня, даже тени моей нет.

Они все со смехом втиснулись в лифт, даже не думая подождать. А я долго стояла, нажимая кнопки, пока не поняла, что лифт отключили. Почему-то это стало последней каплей, и когда я спускалась по полутемной лестнице, я совсем пала духом.

Неужели так будет всегда?

Я шла к метро, ничего не видя, потому что в глазах было буквально темно. Встречные прохожие то и дело натыкались на меня, кто-то вяло ругался, кто-то отскакивал в сторону, кто-то, кажется, спрашивал, не нужна ли мне помощь.

Я не отвечала ни тем, ни другим, из-за спазма я вообще не могла говорить.

Возле станции метро, где было светло и шумно, я осознала, что давно идет дождь, так вот отчего в глазах у меня было темно. И еще я была вся мокрая, поскольку не удосужилась достать из сумки зонтик. Кроссовки хлюпали, пиджак хоть выжимай.

В зеркальной двери отразилось что-то несусветное – волосы свисают как мокрая пакля. В метро из глаз ушла темная мутная зыбь, зато теперь перед глазами стояла она: с волосами, раскинувшимися по спине, в ярко-красном платье, обтягивающем фигуру.

Все знают, что блондинкам не идет красное, однако она никогда не обращала внимания на стереотипы. И крупный рот, накрашенный опять-таки ярко-красной помадой, и ее смех. Громкий, раскатистый смех уверенной в себе женщины.

Да, она нигде не пропадет, у нее все будет прекрасно.

Господи, как же я ее ненавижу!

Странное дело, вот сейчас, когда я видела ее несколько раз, моя ненависть обрела невиданную силу. Тогда, полгода назад я была опустошена и раздавлена, мне казалось, что на меня с размаху опустилась каменная плита. Так что было никак не вздохнуть. Потом это прошло, я поменяла работу, чтобы ничто не напоминало о том, что произошло. И вот теперь я снова встретила ее, Александру.

И ненависть сжигает меня изнутри, как будто там, где-то в районе желудка, горит огромный костер и его ничем не погасить. И мне кажется, что я так и сгорю на этом костре и останется только оболочка, а потом и она рассыплется в мелкую пыль.

Я не заметила, как доехала до своей остановки, вышла на автопилоте и пошла к дому. Дождь кончился, я шлепала по лужам не разбирая дороги – все равно ноги мокрые.

Впереди был длинный пустой вечер, и единственное хорошее, что ждало меня, – это горячая ванна.

А потом закутаться в мамин еще халат и сесть на диван перед телевизором. И тупо пялиться в экран, посматривая на часы, чтобы узнать, когда можно ложиться. И молить бога, чтобы он дал мне заснуть и проспать хотя бы несколько часов...

А может быть... Я даже остановилась, подняв одну ногу, как цапля на болоте.

Вот зачем мне такая жизнь? К чему я хочу прийти? Сколько я могу еще так существовать, если ненависть сжигает меня изнутри и я ничего не могу с этим сделать...

Пыталась забыть все, сменила работу, перестала даже общаться со старыми знакомыми – так вот вам, оказалось, что эта стерва Александра работает теперь со мной в одном здании!

Нет, я просто не вынесу еще одной встречи!

Так, может, перестать уже цепляться за мое жалкое существование? Может, послать все подальше, выйти на проспект и броситься под первый попавшийся грузовик?

Хотя нет, для чего устраивать незнакомому человеку такую жуткую подлянку...

От обдумывания такого серьезного вопроса меня отвлек микроавтобус, который с ветерком промчался мимо и окатил меня из лужи холодной грязной водой.

Я потрясла головой и ощутила, что мокрые не только кроссовки, но и джинсы. Холодная вода меня несколько отрезвила, я решила, что подумаю о самоубийстве в более спокойной обстановке.

Вот и мой дом. Хорошо, что в такую погоду все сидят по квартирам, я просто не выдержу, если нужно будет сказать кому-то обычное: «Добрый вечер!»

Дрожащей рукой я нажала кнопку лифта и, пока ждала, обратила внимание, что мой почтовый ящик переполнен. Вроде бы совсем недавно доставала из него кучу бесполезного бумажного хлама... а может, это было давно?

Так или иначе, я вытащила какие-то рекламные листовки, квитанцию за электричество, грозное напоминание от управдома, чтобы выбрасывали бумажный мусор в специальную урну, что стоит возле почтовых ящиков, а не бросали на пол.

Что интересно, этой специальной урны как раз не было, так что я послушно собралась нести весь этот ворох домой.

И, разумеется, рассыпала все перед дверью собственной квартиры. Хорошо, хоть не в лифте!

Я сгребла все в кучу и ввалилась в прихожую, после чего уселась прямо на пол, с трудом закрыв дверь, поскольку внезапно меня оставили последние силы.

Я посидела немного, закрыв глаза. Однако сидеть в мокром на холодных плитках пола было противно, так что я решила все же подняться и принять ванну. Но перед этим разобрала кучу бумажек, чтобы найти квитанцию за электричество.

Среди всей этой макулатуры попался листок с коротким текстом. Я уже собралась выбросить его, когда случайно прочла набранную крупным шрифтом фразу:

«Вам по утрам не хочется просыпаться?»

Вы ничего не ждете от жизни?»

Да это про меня, подумала я с горькой усмешкой и невольно стала читать дальше:

«Вы ненавидите кого-то так сильно, что эта ненависть буквально сжигает вас изнутри?»

Вы не можете есть, спать, работать и нормально общаться?»

Иногда вам кажется, что вы не можете даже дышать?»

Вы не можете справиться с негативными эмоциями и уже думаете о том, чтобы оборвать жизнь прежде времени?»

Не спешите сделать непоправимое!

Опытный коуч поможет вам преодолеть отчаяние! Он вернет вам вкус к жизни, как уже вернул его десяткам других людей!»

Дальше был напечатан адрес и номер телефона.

И имя: «Леонид».

Первая мысль была, что это очередной жулик, который ловит идиотов и пытается выманить у них деньги. Но тут я прочла внизу листовки предложение, напечатанное мелким шрифтом: «Первый ознакомительный сеанс бесплатный».

Ага, увлекает...

Я еще раз перечитала текст. Ну до чего же все про меня! Значит, я не одна такая, есть люди, похожие на меня, раз этот коуч предлагает свои услуги...

Тут до меня дошло, что если я не хочу схватить простуду, то следует срочно нырнуть в ванну с горячей водой.

И весь вечер злополучная листовка не шла у меня из головы. Может быть, все же обратиться к этому коучу? Что я теряю? Написано же, что первый сеанс бесплатный.

Может, и врут, конечно, но как пойду туда, денег много с собой не брать. Да у меня много и нету...

С этой мыслью я заснула. И после долгого перерыва мне приснился сон. Как будто я нахожусь в огромном помещении с колоннами. Храм, что ли, какой... И я там совсем одна, и я брожу в гулкой тишине и не могу найти выход, до того храм большой.

Понемногу на меня накатывает паника, и вот я уже бегу изо всех сил, и мои шаги отзываются эхом.

А потом я слышу очень знакомый звон и понимаю, что это звонит будильник.

Надо же, удивилась я, окончательно проснувшись: впервые за долгое время я проснулась только от звонка будильника. Раньше открывала глаза задолго до звонка и лежала, пялясь в потолок.

Я посчитала это хорошим знаком и на всякий случай прихватила листовку с собой.

Кстати, квитанцию за электричество я нашла подсунутой под дверь. Очевидно, вчера я оставила ее валяться на площадке и ее нашел кто-то из соседей.

И снова я увидела на стоянке Александру. И снова я скакнула за ту же газетную тумбу. Но зря старалась, поскольку Александра меня точно бы не заметила. Она шла не одна, а с интересным таким мужчиной в дорогом костюме.

Мужчина был хорош: виски благородно седые, глаза серые... я уже его видела не раз, какой-то крупный начальник, а может, и владелец собственной фирмы.

Но Александра... сегодня не было на ней ничего ярко-красного и волосы не растекались по спине светлой волной. Они были заколоты туго. И на ней был ну очень деловой костюм цвета спелой вишни. И вместо сумки небольшой такой аккуратный портфельчик.

Вся такая деловая-деловая женщина. И разговаривала она со своим спутником не повышая голоса, и не смеялась громко, и даже улыбалась не белозубой улыбкой, а так, одним уголком рта.

Мужчина вежливо придержал для нее дверь, на руке его при этом сверкнули дорожные часы.

Александра прошла вперед и не удержалась от торжествующей улыбки. Мужчина ее не видел, зато видела я.

Все ясно, эта стерва снова окучивает кого-то по заданию его конкурентов. Было уже такое, помню...

Я испугалась, что скрип моих зубов будет слышен проходящим мимо сотрудникам бизнес-центра. Нет, надо срочно что-то делать, долго я так не выдержу.

Я еле дотерпела до обеденного перерыва и, когда Лизавета Павловна отправилась мыть чашку, набрала номер коуча.

Ответили сразу, мужской голос был дежурно-приветлив. Я помялась немного, и тогда он сам спросил:

– Вы хотели бы попасть на прием?

Я сказала, что хочу попасть к нему как можно скорее, но могу только после шести, потому что до этого работаю. Он сказал, что работает до шести, но согласен в виде исключения задержаться, раз уж такой случай. Только чтобы я не опаздывала.

– Буду, – пообещала я и тут заметила, что Лизавета Павловна стоит посреди офиса и внимательно слушает.

– Что, свидание у тебя? – оживленно спросила она.

Вот беспардонная тетка, ничуть не стесняется подслушивать!

– Да нет, это по делу, – отмахнулась я, говорила уже, что нашей Лизавете не отвечать нельзя, не тот она человек.

– По делу? – усмехнулась она. – Да ладно, какие у вас, молодых, могут быть дела? У тебя должно быть одно дело: найти приличного мужчину, так чтобы создать с ним семью!

– ?

– Да! – продолжала она. – И нечего так на меня смотреть! Потому что я-то знаю, что это – самое важное в жизни женщины. Семья и дети! А вы, вертихвостки, до тридцати лет об этом и не думаете, а потом начинаете приглядываться, и глянь – оказалось, что все приличные мужчины уже разобраны. А те, кто остался, те либо уже побывали в неудачном браке и теперь их туда никаким калачом не заманишь, либо уж такое никудышное барахло, что детей от такого рожать нечего и думать. Вот тебе, Полина, сколько лет?

– А то вы не знаете? – обиделась я. – Ну скоро тридцать...

– Вот и я о том же говорю, пора бы уже заняться поисками приличного человека!

– Да где ж его найдешь-то? – вздохнула я. – Сами сказали, что все приличные давно уже разобраны...

Я сменила тему:

– А скажите... вот в нашем бизнес-центре есть... интересный такой мужчина, виски седые, одет прилично... часы опять же...

– Эх тебя занесло! – Лизавета Павловна махнула рукой. – Это Катаев, фирма у него своя. Ну, тут тебе ничего не светит, не того полета ты птица, уж не обижайся. И вообще, он женат.

– Да я ничего... так просто спросила.

Тут, на мое счастье, явились остальные сотрудники и Лизавета отвязалась.

Начальник уехал на какое-то важное совещание, и под эту марку я отпросилась у Лизаветы пораньше, так что была по указанному в листовке адресу ровно в шесть.

Я подошла к двери, позвонила.

И вздрогнула – потому что прямо у меня над головой раздался мужской голос:

– Заходите, открыто.

Я подняла голову и увидела прямо над дверью миниатюрную камеру и динамик. Ну да, конечно, уважающий себя коуч должен быть не чужд технического прогресса...

Я взялась за дверную ручку. Дверь действительно была не заперта, и я вошла в квартиру. Или, может быть, студию – как там эти коучи называют свое логово...

Я оказалась в коротком светлом коридоре, по стенам которого были развешаны картинки в узких металлических рамках.

Картинки были странные: на каждой были нарисованы запутанные мотки ниток. Нитки были разные – белые и черные, синие и зеленые, – но все были ужасно запутаны.

– Прямо по коридору! – снова у меня над головой прозвучал мужской голос.

Ага, намекает, что нечего торчать в коридоре и разглядывать картинки... Для чего тогда их повесил?

Я прошла по коридору до полуоткрытой двери, толкнула ее и оказалась в кабинете.

Кабинет был большой, и все в нем было какое-то африканское.

На полу была расстелена шкура зебры (надеюсь, не настоящая), на стенах висели резные африканские маски, несколько копий с очень широкими лезвиями, и даже голова обезьяны с вытаращенными глазами (наверняка стеклянными).

Посреди кабинета, напротив входа, стоял массивный стол из черного дерева. На этом столе стоял обычный компьютер, рядом с ним – стаканчик с разноцветными карандашами и большой нож с широким лезвием и рукоятью из резной кости.

Вряд ли этим ножом удобно точить карандаши...

Вся эта экзотика так била в глаза, что я не сразу заметила хозяина кабинета. Тем более что он был какой-то неприметный: бледный, худой, с редкими прилизанными волосами неопределенного цвета.

Только глаза были яркие и пронзительные.

– Здравствуйте! – проговорил он. – Присаживайтесь!

В отличие от внешности, голос у него был замечательный – красивый, выразительный баритон.

Я села в глубокое кресло, обитое красной кожей.

Он внимательно посмотрел на меня:

– Ну, что же вас ко мне привело?

– Я... – попыталась я начать. – У меня... Мне...

– И кого же вы так ненавидите?

– Что? – Я испуганно взглянула на коуча. – Кто вам сказал? Откуда вы знаете?

– А вы посмотрите на карандаш...

– Что? Какой карандаш?

Я проследила за его взглядом.

Смотрел он на мои руки. И только теперь я осознала, что невольно взяла из стаканчика на столе карандаш (красный) и сломала его пополам, а потом еще раз пополам. Кстати, это не так уж просто сделать, если вы не в курсе.

Я вспыхнула и пробормотала:

– Ну, карандаш... при чем тут карандаш?

– Это неосознанные движения. Они выдают ваши скрытые эмоции. В данном случае – вашу ненависть. Скорее всего – к какой-то женщине... я прав?

Я отвела глаза.

– Да, это, несомненно, женщина. И не случайно вы выбрали именно красный карандаш. Красный – ее любимый цвет?

Я молчала. Хотя, признаться, он произвел на меня впечатление.

– Вы ненавидите ее всеми силами души... я прав?

– Ну, я не знаю...

– Знаете, знаете! Не бойтесь признаться в этом себе... ну и мне. Считайте, что я – ваше второе я. А разве от самого себя могут быть какие-то тайны?

Я молчала в растерянности.

А он сверлил меня своими пронзительными глазами и продолжал говорить:

– Вы кого-то ненавидите, ненавидите давно и сильно. И эта ненависть разрушает вас, разрушает ваше «я», вашу душу, ваше сознание. От этого все ваши проблемы. С этой ненавистью что-то нужно сделать, иначе она сделает что-то с вами. Она разрушит не только ваше сознание, она разрушит ваше здоровье. У вас начнутся проблемы с сердцем, с желудком, ну и с нервной системой, само собой...

Было такое чувство, что он видит меня насквозь, что он знает все мои чувства и читает все мои мысли.

На миг, на один только миг где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что это неправильно, что так не бывает, я ведь ничего не успела ему рассказать. Но мысль эта тут же исчезла.

– И что с этим можно сделать? – проговорила я, с трудом вклинившись в его монолог.

И тут он меня удивил.

Я думала, что он начнет разводить бодягу насчет всепрощения – мол, постарайтесь понять и простить...

Если так, то я сразу встану и уйду, напомнив ему, что первый ознакомительный сеанс он обещал бесплатный. А если он станет возражать, то у меня в кошельке всего пять купюр по сто рублей – у Лизаветы разменяла, и даже карточки оставила в офисе на всякий случай. Так что много этот коуч с меня не получит.

Но он сделал театральную паузу, сложил руки и насмешливо проговорил:

– Я не буду говорить вам о прощении. Это вам ничего не даст, кроме унижения. Мой метод заключается в другом, совсем другом. Вы должны ее убить.

Я ожидала чего угодно, только не этого.

Я поперхнулась, с трудом отдышалась и изумленно уставилась на коуча:

– Как это – убить? Что вы такое говорите? Я не ослышалась? Вы это действительно сказали?

– Разумеется. – Он достал откуда-то бутылку воды и протянул мне.

Я машинально проверила – бутылка была новая. Дрожащими руками я открутила крышку и глотнула прямо из горлышка. Вода была ледяная, и мне полегчало.

– Но в мои планы не входит провести полжизни в тюрьме! Только этого мне не хватало!

– Разумеется. – Он отобрал у меня бутылку, потому что я слишком сильно жестикулировала.

– Но убийство – это преступление, за которое положены большие тюремные сроки! Тем более предумышленное...

– Само собой. Я не собираюсь толкать вас на преступление. Настоящее преступление.

– Но вы сказали... – Голова у меня шла кругом.

– Сказал. А теперь послушайте меня внимательно. Признайтесь, ведь вы об этом уже думали?

Я смутилась.

Честно говоря, тогда, полгода назад, я не раз представляла себе в красках, как убиваю Александру. Как сталкиваю ее с верхнего этажа многоэтажного дома... или подсыпаю яд в ее кофе... нет, яд – это мало, не получишь никакого удовольствия, лучше убить ее ножом или топором... я бью ее ножом несколько раз... одно плохо – она обожает носить красное, а кровь почти не видна на красном... Но после того, что случилось с Вадимом, я просто не могла, не могла ничего этого сделать!

Ну вот, я снова так увлеклась этими кровожадными мыслями, что забыла, где нахожусь!

А коуч явно наблюдал за моим лицом. Он плотоядно усмехнулся и проговорил:

– Ну разумеется, думали. Сотни раз, каждый день. Вот даже сейчас, только что. И не смущайтесь так – это вполне естественно. Каждый человек хоть раз в жизни мечтал кого-нибудь убить.

Так вот, мой метод заключается в том, что вы должны не просто представлять себе, как ее убиваете, – вы должны в деталях разработать план этого убийства. В мельчайших деталях. Причем этот план должен быть таким, чтобы вы убили ее, но не попались. И еще – ваш план должен быть реалистичным, выполнимым. Вы небось мечтаете, чтобы вам были подвластны силы магии, и хотите поразить предмет вашей ненависти молнией... Так, чтобы от нее осталась только горстка пепла, как показывают в кинофильмах...

Вот о чем я точно не мечтала, так это о таких действиях. В конце концов, нужно же реально смотреть на вещи! Так что я встретила насмешливый взгляд коуча довольно твердо.

– Ну хорошо. – Он все правильно понял. – Итак, в вашем плане не должно быть того, чего нет в вашей жизни. Например, я думаю, у вас нет пистолета?

– Ну да, откуда?

– Значит, его не должно быть и в вашем плане. Вы меня понимаете? Все должно быть достоверно.

Я ничего не ответила.

Его слова так меня удивили, что я просто пыталась их осознать.

– Я понимаю, это не так просто принять, – все гнул свое он. – Но это – единственный способ победить свою ненависть. В противном случае она вас просто разрушит. Не только психологически, но и физически.

Тут он, конечно, прав. Я вспомнила, как проходят мои дни и вечера и какая тоска накаливается в выходные, и невольно поежилась.

Он немного помолчал и добавил:

– Итак, к следующей нашей встрече вы должны придумать какой-то способ безопасного убийства. Вы расскажете мне о нем, и мы вместе с вами разберем его и найдем в нем недостатки и уязвимости. Так мы с вами будем работать, пока вы не придумаете совершенно идеальный способ. И уверяю вас: когда вы найдете этот способ, вы преодолеете свои психологические проблемы.

Я вышла из кабинета коуча в полной растерянности.

Нет, не такого я ожидала. Я думала, что он будет нести всякую психологическую ахинею, внушать мне идею всепрощения и миролюбия, а он... он предлагает разработать план убийства!

А что – пожалуй, в этом что-то есть! По крайней мере, у меня пробудился интерес к жизни.

Я сделала такой вывод, потому что не испытывала привычной тоски при мысли о том, что мне снова предстоит пустой и одинокий вечер дома.

А правда: как можно убить Александру и при этом не попасться самой?

На работе?

Но там всегда очень много людей... меня кто-нибудь обязательно увидит...

И потом – как я ее убью? Пистолета у меня нет, в этом коуч прав... Зарезать? Но чем? Обычным кухонным ножом? Вот просто наброситься на нее в офисном коридоре, выяснив предварительно, в какой фирме она работает. Ах да, Лизавета же сказала – у Катаева.

Я представила, как сосредоточенно иду по коридору ей навстречу, держа нож на изготовку. А если она не выйдет в коридор? Я так и буду прогуливаться мимо двери фирмы, прижимая нож к груди? Но это даже не смешно...

Погруженная в эти мысли, я вышла из подъезда...

И чуть не угодила под машину, которая подъехала к этому же подъезду. Буквально в последний момент отскочила в сторону, обернулась на этот автомобиль.

Это была синяя «Тойота» с расколотым задним фонарем. Еще на заднем стекле у нее была какая-то рекламная наклейка.

Вот так – придумываю сценарий идеального убийства, и при этом сама чуть не попала под машину!

Из синей машины вышел мужчина и вошел в тот подъезд, из которого только что вышла я.

Я отвернулась и пошла прочь, вновь погружившись в мысли об идеальном убийстве.

В одном этот коуч был прав. Теперь по дороге домой в метро я думала не о своих душевных ранах, а о том, как же убить Александру.

Я перебирала все возможные орудия убийства. Пистолет отпал сразу, нож тоже – я просто не смогу достаточно сильно ударить... да и крови будет столько, что меня сразу поймают...

Яд? Но я понятия не имею, где его достать. И как я смогу подсыпать его Александре? Мне придется столкнуться с ней лицом к лицу, а я этого просто не перенесу... К тому же она вовсе не дура, взгляд у нее цепкий, так что она сразу определит, если я попытаюсь подсыпать что-то ей в чашку. Да она ни за что со мной кофе пить не станет, я бы на ее месте этого не сделала...

Другое дело, что я никогда не буду на ее месте, но это в данном случае не важно.

С этими мыслями я вернулась домой, с этими мыслями что-то съела, не почувствовав вкуса, посмотрела кусочек сериала, ничего не понимая, и легла спать.

Засыпаю я последнее время очень плохо, до поздней ночи считаю овец или слонов, но сейчас я стала перебирать все возможные орудия убийства – нож, кастет, тяжелая чугунная сковорода, утюг... Что там еще описывают в детективах? Веревочная петля, рояльная струна, шелковый платок...

На этом месте, как ни странно, я заснула.

Снилось мне, что я плыву в голубой прозрачной воде. Причем это не море, не река, не озеро, а какой-то узкий и длинный водоем.

И впереди меня по этому водоему плывет она... Александра! Ну да, это она: шикарная фигура, красный купальник, волосы забраны наверх, чтобы не намочить их...

Я поплыла быстрее... быстрее... я догнала ее, поднырнула, схватила за ноги и утянула на дно.

Александра билась, вырывалась, но я крепко держала ее, не давая всплыть.

Самое странное, что сама я прекрасно чувствовала себя под водой, как будто воздух мне совершенно не нужен, как рыбе или амфибии.

Александра еще несколько раз конвульсивно дернулась и наконец замерла, уронила руки. Тогда я отпустила ее, и она медленно опустилась на дно.

Дно это было голубоватое, кафельное... ну да, поняла я, это был бассейн!

– Бассейн! – проговорила я громко – и проснулась.

Проснулась от звука собственного голоса... а скорее от мысли, которая пришла ко мне во сне.

Ну да, бассейн!

Бассейн – это решение задачи!

Александру нужно убить не на работе, а в бассейне!

Я знаю, что она очень любит плавать и постоянно ходит в бассейн. И я точно знаю в какой – на Самсоньевском проспекте. Там такое старое здание, переделанное под бассейн.

Я и сама туда ходила, пока у меня была такая возможность. То есть возможность и сейчас есть, только нету никакого желания. Там очень удобная система: покупаешь определенное количество посещений и ходишь, когда удобно.

Александра ходит в бассейн по утрам, перед работой, когда там немного людей.

Немного людей – значит, немного свидетелей...

Вот оно, подходящее место для идеального убийства!

Я даже засмеялась вслух. Было странно слышать собственный смех в пустой квартире. Я посмотрела на будильник, попыталась снова заснуть, но это у меня не получалось.

Я снова и снова прокручивала в голове упоительные картины – как я убиваю Александру в бассейне.

Хотя картины получались какие-то нечеткие. В своих мечтах я набрасывалась на нее и душила, била кулаками, а когда она падала – ногами... Но в воде удары ногами не принесут большого вреда, вода смягчит удар, и этой стерве ничего не будет.

Однако это все просто мечты, а коуч велел мне разработать реальный план убийства... Я придумала, где убить Александру, но теперь нужно придумать, *как* ее убить.

И тут я сообразила, что у меня есть большое преимущество.

В отличие от Александры, которая ходит в бассейн просто для удовольствия и для поддержания физической формы, я с детства отлично плаваю и даже участвовала в городских соревнованиях юниоров и заняла второе место в вольном стиле.

В воде я чувствую себя как рыба, могу надолго задержать дыхание и даже переплыть весь бассейн не выныривая.

Так вот что нужно сделать.

Я набираю полную грудь воздуха, ныряю, подплываю к Александре снизу, хватаю ее за ноги и тяну под воду.

Она такого, естественно, не ждет, от неожиданности теряет самообладание, сразу же начинает задыхаться, ее легкие наполняются водой – и все, дело сделано, конец фильма! Мне остается только еще немного подержать ее под водой – для верности, чтобы уже не осталось никаких сомнений...

Вот и готов план идеального убийства!

Я облегченно вздохнула – и тут же заснула, чтобы проснуться уже по будильнику...

В этот день я чувствовала себя значительно лучше и даже ничуть не расстроилась, увидев Александру в дальнем конце коридора. У меня даже мелькнула странная мысль: как, она еще жива?

«Как же так? Я же ее утопила...»

Я не стала прыгать в сторону, как испуганный заяц, а просто шла и шла, немного опустив голову.

Александра меня не заметила, потому что разговаривала с какой-то девицей восторженного вида. Волосы у той торчали в разные стороны, глаза были заплаканны, так эта стерва утешала ее и гладила по плечу. Ох, не к добру все это!

Я едва дождалась конца рабочего дня и тут же позвонила коучу и договорилась с ним о встрече. Пришлось отпроситься у начальника, потому что коуч сказал, что вечером занят, и предложил перенести встречу на другой день. Но я не могла ждать.

Подходя к его подъезду, я увидела, как оттуда вышел какой-то мужчина. Он показался мне смутно знакомым.

Я безразлично скользнула по нему взглядом и увидела, как он сел в синюю «Тойоту» с расколотым задним фонарем.

Ах, ну да, я видела этого мужчину, когда прошлый раз выходила от коуча... может быть, он живет в этом подъезде или ходит сюда по своим делам... Ну, к примеру, у него тут живет подружка... Хотя вряд ли он навещает знакомую женщину, уж очень мрачный у него вид.

Я поднялась, вошла в квартиру, прошла в знакомый кабинет и, не спрашивая разрешения, плюхнулась в красное кресло.

– Я придумала! – выпалила я сразу, едва увидела коуча. – Я придумала, как ее убить!

– Во-первых, здравствуйте, Полина, – насмешливо проговорил Леонид. – Во-вторых, рад за вас...

– Ой, да, извините... здравствуйте! Я сегодня ночью придумала. Убить ее нужно в бассейне. Она туда ходит по утрам... нужно прийти туда вместе с ней, поднырнуть и затянуть ее под воду. И держать ее там, пока она не перестанет дышать...

– Неплохо... – проговорил он одобрительно. – Неплохо для начала. Бассейн – неплохое место для убийства. Хотя бы потому, что меньше нужно думать о том, чтобы не оставить следов. Вода их так или иначе смоеет. Но давайте теперь пройдемся по деталям. Во-первых, вам придется тоже находиться под водой все это время. Вы сможете надолго задержать дыхание?

К этому вопросу я была готова и гордо сообщила ему, что прекрасно плаваю и могу очень долго находиться под водой. А Александра не успеет вдохнуть и от неожиданности очень быстро захлебнется...

– Отлично. Тогда другой вопрос. Как вы попадете в бассейн?

Странно, но об этом я до сих пор не задумывалась.

Я так живо и красочно представляла себе сцену убийства, что совершенно упустила из виду все, что было до и после нее.

Только теперь, когда Леонид задал мне этот вопрос, я задумалась. Действительно, чтобы убить Александру, мне нужно попасть в бассейн... для этого нужен пропуск.

– Купите абонемент? – Коуч насмешливо приподнял брови и, поскольку я помедлила, тут же продолжил: – Отлично... и сразу же попадете в число подозреваемых.

– Почему? – улыбнулась я.

– Подумайте сами. Как посетители проходят в бассейн?

– Прикладывают электронный пропуск к устройству на турникете... он проворачивается...

– Ну да, предварительно проверив пропуск и установив имя посетителя. То есть, как только найдут труп, проверят, кто находился в бассейне во время убийства. Как вы сказали, та женщина ходит в бассейн по утрам, потому что тогда меньше людей. Чем меньше подозреваемых, тем большие подозрения падают на каждого из них! И на вас в том числе! Если вы хотите придумать идеальное убийство, нужно придумать, как не попасть в число подозреваемых.

Я расстроилась. Дело в том, что пропуск в бассейн у меня сохранился. Говорила уже, что там очень удобная система: покупаешь, к примеру, сто посещений и ходишь когда удобно. И пока они не кончатся, пропуск будет действителен.

Но вот в пропуске есть все мои данные...

Правда, как мне самой все это не пришло в голову?

– Ну что ж, – проговорил Леонид удовлетворенно. – Для первого раза совсем неплохо, но нужно еще подумать. Вы же хотите разработать сценарий идеального убийства, верно?

Я возвращалась от коуча совсем не в таком настроении, в каком шла к нему.

Все оказалось гораздо сложнее, чем я думала...

Действительно, если я приложу к турникету пропуск, тут же мое имя появится в системе...

Как же обойти эту систему?

Я подумала, что можно попросить пропуск у кого-нибудь из знакомых...

Но у меня нет таких близких знакомых, к кому я могла бы обратиться с такой просьбой.

А если бы и были – я подставлю человека под большие неприятности. И потом, он, точнее, она сразу же расскажет, что давала мне свой пропуск, и я, несмотря на все ухищрения, все равно окажусь в числе подозреваемых...

Ох, оказалось, что придумать сценарий идеального убийства – очень непростая задача!

С этой мыслью я осознала, что нахожусь уже возле собственного дома и еще – что очень хочу есть. Надо же, уж и не помню, когда у меня был аппетит. Обычно я заставляю себя съесть что-нибудь, что лежит в холодильнике, не заморачиваясь разнообразием, все равно вся еда для меня безвкусная. Холодильник я пополняю по выходным, просто беру в супермаркете все, что можно не готовить: йогурты, творожки, ну, яичницу можно пожарить еще. А сейчас вдруг захотелось чего-то более сытного, мяса и картошки. Я забежала в маленький магазинчик на углу, там продавались куры гриль. Взяла еще в пекарне рядом свежий багет и съела сразу полкурицы под какое-то ток-шоу, где присутствующие отчего-то громко кричали друг на друга. Отчего они так разорялись, я так и не поняла, потому что после сытной еды ужасно захотела спать.

Заснула я на этот раз удивительно быстро, несмотря на то что в спальне было жарко и душно.

На этот раз мне снилось, что я тихонько иду по какому-то коридору, вымощенному белой кафельной плиткой. Впереди меня идет девчонка лет двенадцати... но я сама не больше ее...

Эта девчонка то и дело оборачивается ко мне, делает какие-то странные жесты, прикладывает палец к губам...

Коридор заканчивается.

Мы оказываемся в небольшой комнате без окон, по стенам полки, на которых стоят коробки и пакеты.

Девчонка, которая привела меня сюда, показывает на одну стену.

Она отодвигает большую коробку, за ней оказывается неприметная дверка. Моя проводящая дергает задвижку, открывает дверцу – и сразу становится жарко и влажно.

Мы оказываемся в душевой...

И тут я проснулась.

Мне было жарко, простыня сбилась, горячая подушка стала влажной от пота.

Ну понятно, почему мне приснилась душевая.

От влажной жары и духоты.

Я машинально прокрутила в голове свой сон...

И вдруг вспомнила.

В этом сне я заново прожила один эпизод из своего детства.

Я тогда занималась плаванием в бассейне, меня уже включили в детскую команду. Тренершей была грубая крикливая тетка, которая больше всего боролась за дисциплину в команде. Если кто-то из девчонок что-нибудь забывал – например, резиновую шапочку или сменную обувь, – она устраивала форменный скандал. Чаще всего она кричала: «А голову ты не забыла?»

И вот как-то раз, придя на занятие, я обнаружила, что забыла дома пропуск в бассейн.

Я страшно перепугалась, представила, как будет орать на меня тренерша...

И тут Танька Лисина, девчонка из команды, которая пришла вместе со мной, сказала:

– Да брось ты, я тебя без пропуска проведу!

– Без пропуска? Это как?

– Моя мама здесь уборщицей работает. Я знаю все ходы-выходы...

И она действительно вывела меня на улицу, мы обогнули здание и оказались возле маленькой железной дверцы. Танька открыла эту дверцу каким-то хитрым способом, провела меня по темному коридору в кладовку, где была неприметная дверка, выходящая в душевую бассейна. Оттуда мы запросто прошли в раздевалку, где благополучно присоединились к команде...

Кажется, это было сто лет назад, в другой жизни – а вот надо же, сейчас я вспомнила тот день в мельчайших деталях, вспомнила служебный коридор, и кладовку, и дверку...

Вы спросите: что в этом проку?

А дело в том, что я в детстве ходила в тот же самый бассейн, куда сейчас ходит по утрам Александра. И куда я бросила ходить полгода назад, когда... Впрочем, не будем об этом.

И вот вы не поверите, но за все эти годы там делали только косметический ремонт. Ну и, конечно, поставили электронные турникеты, как в метро.

Так что и этот коридор, и кладовая, и неприметная дверка наверняка остались на тех же местах.

Ну вот, значит, я придумала, как проникнуть в бассейн. Значит, сценарий идеального убийства готов...

Снова я шла к коучу, с которым договорилась еще вчера. Хоть он и усиленно делал вид, что занят и что идет мне навстречу исключительно по моей просьбе, все же у меня создалось впечатление, что клиентов у него не так много.

На лестнице я столкнулась с каким-то мужчиной, но не разглядела его – было темновато. Лестница в этом доме вообще была крутая и плохо освещенная. Мужчина толкнул меня локтем и даже не извинился, не заметил, наверное, потому что шел опустив голову.

На площадке было чуть светлее, потому что над дверью горела лампочка. Перед тем как нажать кнопку звонка, я привычно оглядела себя и заметила на рукаве пиджака белое пятно.

Ага, вот, как раз возле двери на стене осыпалась штукатурка. Да, но я-то ее не трогала. Ах, вот в чем дело! Это мужчина, что коснулся меня на лестнице, у него был измазан рукав.

А это значит... это значит, что он выходил из этой двери, что он тоже ходит к коучу. Ну да, тоже небось после работы.

А вот интересно, коуч лечит его теми же методами, то есть просит разработать план убийства того человека, которого этот тип горячо ненавидит?..

Я спустилась на один пролет и выглянула в окно, которое удачно выходило прямо во двор. И увидела возле подъезда знакомую синюю «Тойоту» – ту самую, с расколотым задним фонарем.

На этот раз была видна надпись на наклейке:

«„Братец Кролик“. Продажа элитных кормов для ваших четвероногих питомцев!»

Симпатичная работа, подумала я и спохватилась, что уже опаздываю. А я считаю, что нужно всегда приходиться вовремя.

Леониду я рассказала в подробностях про тайный ход в бассейн и выжидательно посмотрела на него: что он скажет на этот раз?

Он внимательно выслушал меня и удовлетворенно проговорил:

– Что ж, так гораздо лучше. Вы решили первую задачу – как незаметно проникнуть на место преступления...

Мне очень не понравились эти слова – «место преступления». Где преступление, там и наказание...

Но я сама приняла правила этой игры. А назвался груздем... продолжение вы помните.

– Это, конечно, важно, – Леонид смотрел на меня, и глаза его странно блеснули. – Но есть вопрос гораздо более важный: как незаметно это место покинуть. Потому что, если вы не сможете незамеченной проникнуть в бассейн, вы просто отмените задуманное и подумаете над тем, как сделать это в другой раз. А вот если вы уже совершите убийство, но не сможете незаметно скрыться – тут уж дело плохо. Отыграть назад не получится, и вам придется отвечать за содеянное по полной...

Я подумала, что Леонид подозрительно хорошо разбирается в теории преступлений.

А он словно прочитал эту мою мысль, усмехнулся одними губами и проговорил:

– Вы думаете, почему я так много знаю об убийствах? Да потому, что в этом заключается мой метод лечения неврозов и психологических травм. Разрабатывать вместе с пациентом убийство, тщательно обдумывать его детали, находить в плане всевозможные минусы и нестыковки... я таким образом продумал уже десятки преступлений, неудивительно, что я в них хорошо разбираюсь.

Я невольно почувствовала обиду. Я была горда своим планом, думала, какая я умная, – а Леонид его разом перечеркнул!

– Ну и что не так в моем плане?

– Вот представьте себе. Вы проникли в бассейн, переоделись в купальник, вошли в воду. Незаметно подплыли к своей цели, поднырнули, утанули ее под воду, дождались, когда она перестанет дышать... что вы делаете дальше?

– Выныриваю, выбираюсь из бассейна и ухожу тем же путем, каким пришла. По-моему, все очень просто.

– А по-моему, нет. Ведь в бассейне всегда есть какой-то дежурный сотрудник – тренер или спасатель, который следит за тем, чтобы никто из посетителей не утонул. Этот человек заметит, что ваша... знакомая ушла под воду и не всплывает, и поднимет тревогу.

– Да эти дежурные вечно дремлют, особенно рано утром! Они и бегемота в бассейне не заметят!

– Может быть, и так. Но надеяться на невнимательность дежурного – недопустимое легкомыслие. Дежурный тренер может с утра выпить двойной эспрессо или просто хорошо выспаться. В конце концов, труп может увидеть кто-то из посетителей бассейна. Увидит и поднимет крик...

– По утрам там почти никого не бывает!

– Вот видите – вы сказали «почти». То есть кто-то вполне может быть, а в нашем случае один свидетель – это уже слишком много. Убийство нужно продумать так, чтобы оно не могло сорваться из-за какой-то досадной случайности.

Я подумала, что Леонид слишком серьезно относится к этому вымышленному убийству. В конце концов, это только игра, мысленный эксперимент...

С другой стороны, наверное, в такой дотошности и заключается терапевтический эффект его метода...

– Что же, нужно все начинать сначала?

– Нет, почему же. Как раз начало вы продумали хорошо: выбрали место преступления, придумали, как незаметно туда проникнуть... а теперь подумайте вот о чем: чтобы безопасно скрыться, вам нужно сделать так, чтобы труп нашли не сразу. Лучше всего – через несколько часов, а то и дней, и уж обязательно – после того, как вы уже уйдете из бассейна и будете в безопасности. Нет, утопить ее в бассейне – это, конечно, соблазнительно, но слишком рискованно. Подумайте еще...

Черт, да мне все это уже надоело! Бесконечно обсуждать подробности убийства, так можно вообще с ума сдвинуться!

Хотя... за последнее время замечаю за собой какую-то активность. И даже Лизавета Павловна, которая вообще никому ничего хорошего в жизни не скажет, вдруг отвесила мне комплимент. «Ты, – сказала, – Поинка, какая-то шустрая стала, оживленная, то ходила как сонная муха, а теперь прямо летаешь...»

Так, может, и правда метод коуча работает?

– Да, и вот еще что, – продолжал Леонид. – Главное в моем методе терапии – придуманный вами сценарий должен быть реальным, выполнимым. На самом деле вы придумали не то, как можно проникнуть в бассейн. Вы вспомнили, как можно было незаметно проникнуть в него много лет назад. Но не факт, что сейчас этот метод осуществим. За эти годы здание бассейна могли перестроить, изменить, и того прохода, который вы помните, может уже не быть. Так что, кроме разработки остальных деталей задуманной операции, вы должны проверить, что в бассейн все еще можно попасть тем путем, который вы запомнили.

Я вышла от коуча в задумчивости.

Вроде уже все придумала и так гордилась собой – а Леонид вылил на меня ушат холодной воды...

Придется начинать все сначала...

Я отправилась домой, глубоко задумавшись.

И вдруг в метро села не на свою ветку, а поехала на станцию, где находится тот самый бассейн. Сделала я это абсолютно машинально, так что осознала, где нахожусь, уже возле бассейна.

Того самого бассейна, куда ходила в детстве. Того бассейна, куда по утрам ходит Александра. Того бассейна, где я должна убить ее в своем сценарии.

Видимо, меня привело сюда подсознание.

Я вспомнила, что коуч велел проверить, существует ли еще тот проход, которым я пользовалась много лет назад.

Ну что ж, раз уж я оказалась здесь, почему не попробовать это выяснить.

Бассейн занимал отдельное двухэтажное здание, окруженное садом. Сад – это, конечно, громко сказано, на самом деле там было одно высокое раскидистое дерево, несколько кустов и клумба с засыхающими георгинами. Ворота сада были открыты.

Около главного входа толпилась группа подростков, они громко болтали и смеялись.

Мне туда не нужно.

Я обошла здание сбоку и нашла неприметную боковую дверку. Ту самую дверку.

Как и прежде, она была заперта, но я помнила, как Танька Лисина, та девчонка, которая показала мне этот вход, открыла ее.

Ее мама работала в бассейне уборщицей, она часто забывала ключ и научилась открывать ее без ключа.

Замок старый, сказала Танька, и открыть его – не проблема. Нужно прижать дверь плечом, крепко ухватить дверную ручку, поднять ее и повернуть...

Я сделала все как тогда: навалилась плечом на дверь, взялась за дверную ручку, подняла ее и повернула...

И можете представить – дверь открылась!

То ли за прошедшие годы никто не удосужился поменять или отремонтировать старый замок, то ли новый замок унаследовал свойства старого...

Так или иначе, но я оказалась внутри здания.

Я прошла по короткому коридору, к счастью никого не встретив, открыла дверь кладовки (эта дверь никогда не запиралась).

Здесь тоже ничего не изменилось – разве что марки моющих средств и строительных смесей, которые занимали все полки.

Я пробралась в дальний угол кладовки, отодвинула большую коробку с составом для мытья кафеля – и увидела за ней неприметную дверку.

Дверка эта была закрыта на обычную задвижку.

Я открыла ее.

Из дверного проема на меня дохнуло влажным жаром.

Я выглянула – и увидела, что дверь ведет в душевую.

Девчонка лет пятнадцати стояла под душем с намыленной головой и что-то вполголоса самозабвенно напевала.

Я снова закрыла дверь.

Дело сделано, я убедилась, что в бассейн по-прежнему можно проникнуть незаметно через служебный вход и кладовку.

Осталась еще одна важная задача: как сделать так, чтобы труп Александры нашли не сразу, чтобы мне хватило времени покинуть место преступления...

Я поймала себя на том, что уже без внутренней дрожи, хотя и мысленно, произношу это страшное словосочетание – «место преступления»...

Весь вечер я думала над этой чертовой задачей – и ничего не придумала. Но эти размышления отвлекли меня от прежних черных мыслей. Значит, не зря я плачу деньги коучу, его метод работает! Вот, кстати, и аппетит появился, а пока в бассейн ездила, забыла в магазин зайти.

Пришлось заказать пиццу, и я съела ее всю одна.

Вечером я легла спать в смутной надежде, что во сне увижу идеальное решение.

Но это, конечно, смешно и глупо – надеяться, что разгадка, над которой безуспешно бьешься весь день, придет во сне...

На работу я едва не проспала и так неслась, что, заметив Александру, которая снова была в паре с Катаевым, я просто пробежала мимо, и ничего не дрогнуло внутри. То есть я, конечно, ее ненавижу по-прежнему, но перестала бояться и впадать в ступор.

В офисе я первым делом столкнулась с секретаршей начальника Викой.

Вика у нас девушка своеобразная, чересчур задумчивая и очень мечтательная. Для секретаря эти качества не очень подходят, так что мы долго не понимали, за что ее держит начальник, пока вездесущая Лизавета Павловна не проговорила, что Вика какая-то его родственница: не то двоюродная племянница, не то троюродная сестра, – в общем, седьмая вода на киселе, но начальник пригрел все же родную кровь.

– Ты представляешь, какая я балда и растяпа? – проговорила Вика трагическим тоном.

– Из уважения к тебе не смею возражать, – отшутилась я и хотела пройти на свое рабочее место, но Вика меня не пускала, ей непременно хотелось с кем-то поделиться.

– Прикинь, вчера в обед ходила в магазин за продуктами, все купила, но забыла сахар и что-нибудь к чаю. Хорошо, что в том магазине есть ячейки хранения. Положила все покупки в ячейку, купила сахар и печенье... хорошее такое печенье, вкусное, но некалорийное...

– Не отвлекайся! – я демонстративно взглянула на часы.

– Вот-вот, и я о том же! Значит, я купила сахар и печенье, еще конфет прихватила, вышла, а тут мне позвонила Алиска – ты ее не знаешь, мы с ней в школе вместе учились, – значит, позвонила мне и говорит, что выходит замуж! А мне даже сесть не на что! Ну, я такая: когда, да кто, да все прочее? Так за разговором и дошла до работы.

И только в конце рабочего дня вспомнила о продуктах в ячейке! Представляешь себе? Когда уже домой пошла, подумала про ужин – тут и вспомнила! А там и сыр, и ветчина, и йогурты...

– И что? – осведомилась я уже с интересом.

– Ну, пришла в тот магазин, достала все из ячейки... и вот как ты думаешь: можно это есть, после того как все пролежало полдня в ячейке? Или лучше все выбросить?

– Ну, на вид как – не испортилось?

– На вид – нет и не пахнет, но я все же как-то сомневаюсь.

– Ну, если сомневаешься – выброси, а то тебе от одних сомнений плохо будет.

– Это так, но жалко же! Главное, ветчина моя любимая...

– Ну уж ветчину точно выброси. Еще сыр и йогурт могли сохраниться, но ветчина...

И тут я замолчала на полуслове и устала на Вику.

А потом выпалила:

– Спасибо тебе! Ты мне очень помогла!

– Чем это? – Вика захлопала ресницами.

– Да так, это я о своем...

Не могла же я сказать Вике, что она помогла мне придумать план идеального убийства!

– Так ты считаешь, что ветчину лучше выбросить?

– А у тебя нет знакомой кошки? Если есть – скорми ей ветчину. Кошка будет тебе очень благодарна. И несвежее точно есть не станет.

– Кошке? – задумчиво повторила Вика. – Пожалуй, это мысль... а сыр, значит, можно самой съесть?

– Думаю, можно... – ответила я машинально.

Думала я о своем – о том, что мне пришло в голову после Викиного рассказа.

Вика оставила продукты в ячейке хранения магазина – и никто их не трогал, пока она за ними не пришла.

И запаха никто не почувствовал.

Так что если оставить в такой ячейке труп – его тоже долго никто не заметит.

Конечно, в магазинную ячейку труп не запихнешь, но в раздевалке бассейна большие металлические шкафчики, и туда не слишком большой труп вполне поместится.

И вообще, раздевалка – это отличное место преступления.

Там и днем-то никогда не бывает много людей, а рано утром и вовсе ни души.

Я заметила, что уже легко произношу это ужасное словосочетание – «место преступления». Только мысленно, но это о чем-то говорит. Я меняюсь...

Но это уже не важно. Важно, что я решила задачу, которую подкинул мне коуч.

Сказать, что я едва досидела до конца рабочего дня – значит ничего не сказать. Я ерзала на стуле, непрерывно смотрела на часы, выбегала в коридор, так что Лизавета не преминула поинтересоваться, все ли у меня в порядке со здоровьем, а то, может, капель успокоительных накапать или же, вот, у нее хорошее есть средство от поноса.

Говорила уже, что наша Лизавета Павловна за словом в карман не лезет и всегда называет вещи своими именами.

В общем, стрелки на часах издевались надо мной как могли, но все же подошли к нужному времени, и я помчалась к коучу.

И сразу с порога, не успев даже сесть в красное кресло, выпалила:

– Я знаю! Я знаю, как ее нужно убить! Вернее, где!

– Здравствуйте, Полина! – осадил меня Леонид строгим неодобрительным голосом.

– А, да... извините... здравствуйте!

– Присядьте. Итак, что вы придумали?

– Ее нужно убить не в бассейне. То есть в бассейне...

– Так в бассейне или нет?

– В бассейне – в смысле, в здании бассейна, потому что я могу туда попасть незамеченной, через служебный вход, но не в воде, а в раздевалке. И запихнуть ее в шкафчик. Там ее никто не найдет, по крайней мере до вечера...

– А само убийство? Как вы его представляете?

Тут я задумалась.

Я так обрадовалась, что придумала, как спрятать тело, что упустила такой важный момент.

– Нож? – проговорила я задумчиво.

– Слишком много крови.

Да, действительно... я представила, как иду по коридорам бассейна вся в крови...

А что, если я кого-то встречу?

Нет, это не годится.

Нужно сделать это бескровно...

И тут я словно увидела фрагмент криминального фильма с собой в главной роли.

Теперь я точно знала, что нужно сделать, и начала уверенно излагать свой план Леониду.

– Нужно застать ее, когда она будет одна в раздевалке, оглушить чем-нибудь тяжелым...

– Чем? – деловито уточнил Леонид.

И тут я вспомнила кладовку, через которую можно проникнуть в бассейн. Вспомнила пакеты со строительной смесью на полках. Тяжелые такие пакеты...

– Упаковкой строительной смеси. Взять ее в той кладовке, о которой я говорила.

– Что потом сделать с этой упаковкой?

– Оставить в шкафчике вместе с трупом.

– Отпечатки пальцев?

– Положить упаковку со смесью в полиэтиленовый пакет, его унести с собой.

– А что потом, после того, как вы ее оглушите?

– Второй пакет надеть ей на голову и дожидаться, пока она не перестанет дышать.

– Что ж, хорошо... – проговорил Леонид каким-то скучным, полусонным голосом. – Думаю, вы решили задачу. И я со своей стороны решил свою задачу: на мой взгляд, вы выглядите гораздо лучше, чем когда пришли ко мне первый раз. У вас нет характерных признаков клинической депрессии.

Он быстро взглянул на меня и добавил:

– И карандаши вы больше не ломаете – ни красный, ни остальные. Значит, это наша с вами последняя встреча, больше вы в моих услугах не нуждаетесь...

– Последняя? – переспросила я с долей разочарования. Я уже успела привыкнуть к этим странным разговорам.

– Да, я считаю свою задачу выполненной.

В этот день я возвращалась домой со странным чувством.

Мне как будто чего-то не хватало.

Ну да, я привыкла обдумывать идеальное убийство и теперь в моей жизни образовалась какая-то пустота...

Но зато когда я видела издали в офисном центре Александру, я смотрела на нее без внутренней дрожи. Как будто я победила ее, выдернула, как больной зуб...

Впрочем, вскоре она мне перестала попадаться.

Можно было подумать, что она поняла, что утратила свою власть надо мной... Если бы...

Я шла задумавшись, и тут меня отвлек звук гудевшей машины. Ну гудит и гудит, мне-то что, я по тротуару иду. Но ужасно знакомый голос закричал из машины:

– Польша, Польша! Ты что, не слышишь?

И выскочила из машины шикарная такая деваха, в которой я с трудом, но все же узнала Ленку Мелехову.

– Ленка! – ахнула я. – Да что с тобой такое? Машина, шмотки фирменные, откуда что взялось?

– Садись! – Она почти силой втянула меня в машину. – Тут стоять нельзя! Жутко рада тебя видеть! – говорила Ленка, трогая машину с места. – Вот все хотела позвонить, да закрылась совершенно.

Я посмотрела на нее искоса и поняла, что Ленка не врет и не преувеличивает, что она и правда искренне рада меня видеть, и более того – я тоже рада. Вот так, говорила уже, что с пятнадцати лет у меня нету близких подруг, но все же с Ленкой мы хорошо общались. И она знала маму...

– А куда мы едем? – спросила я, оглядываясь.

– Вот и я тоже думаю: куда? – рассмеялась Ленка. – Слушай, я вообще-то к маме еду, раз в неделю ее навещаю, а то как-то не привыкла одна жить.

– Ой, у тебя и квартира своя теперь? Ленка, колись, откуда на тебя богатство свалилось! Выглядишь прекрасно, энергия из тебя так и прет, волосы выкрасила удачно, тебе идет!

И правда, Ленка от природы была брюнеткой, а теперь ее шикарные волосы были рыже-каштановыми. Здорово!

– Да какое богатство! – Ленка замахала руками, но тут же опомнилась и вцепилась в руль. – Слушай, надо поговорить спокойно! Я бы в кафе посидела, но мама ждать будет. А поехали к нам? У матери никого, она накормит...

Да, Ленкина мама, тетя Тома, была известна в нашем дворе как замечательная кулинарша, помню, мама меня к ней посылала за рецептами какими-то.

– Поедем, мать рада будет! – говорила Ленка. – Посидим, поболтаем, я потом тебя до дома довезу.

Я представила, как проведу долгий вечер в своей пустой квартире, и в магазин снова не успела зайти, и пицца уже надоела до чертиков... и согласилась.

По дороге Ленка рассказала, что сменила работу, теперь она в риелторской конторе. И уже провернула две удачные сделки, машину вот купила. А квартира у нее и раньше была, бабушка оставила, только денег на ремонт не было, а теперь вот...

– Поздравляю, – искренне сказала я. – Рада за тебя.

Тут мы подъехали к ее дому, так что мне не пришлось рассказывать, как я живу, – было бы о чем говорить.

– Мам, а кого я привела! – заорала Ленка, открыв дверь квартиры своим ключом.

– Полинка! – ахнула тетя Тома, взглядевшись в меня, и тут же кинулась обнимать.

А потом замахала руками, чтобы мыли руки и бежали за стол, а то она уже три раза подогревала.

А стол был весь заставлен разными вкусностями, как будто тетя Тамара ждала не одну дочку, а целую футбольную команду.

И мы ели и разговаривали, вспоминали наше с Ленкой детство, перебирали знакомых и бывших соседей, кто где, и тетя Тома выставила на стол бутылку замечательной домашней наливки, а Ленка сказала, что ей нельзя, она же должна еще меня домой отвезти, и они обе посмотрели на меня, и тетя Тома сказала, что я заночую у них, квартира большая, места хватит.

И я согласилась, потому что ужасно не хотелось уходить из этого теплого и гостеприимного дома. Давно уже мне не было так хорошо и спокойно.

Мы проговорили до глубокой ночи, потом мне постелили в гостиной на диване, и я спала крепко и без сновидений.

А утром тетя Тома приготовила блинчики с творогом, точно такие, как делала мама («Ну да, это же мой рецепт», – сказала тетя Тома), а потом мы с Ленкой напились кофе и она отвезла меня на работу.

– Спасибо тебе! – сказала я. – Как-то мне полегчало...

– Звони. – Ленка сунула мне визитку. – Не пропадай!

Прошло дня три или больше, за это время ничего особенного не произошло, за исключением того, что Вика завела кошку. По моей рекомендации она вышла во двор, держа в руках упаковку той самой ветчины, и сказала: «Кис-кис».

И к ней вышла очень симпатичная кошечка, совершенно белая и пушистая. То есть белой она была когда-то, а сейчас казалась довольно грязной, потому что питалась на помойке и за это ее даже били дворовые коты.

Вика у нас девушка сердобольная, увидев, как жадно кошка набросилась на еду, она прослезилась и решила взять ее домой. Кошка, разумеется, согласилась. В квартире она даже позволила себя выкупать и благосклонно воспользовалась лотком, который Вика по совету соседа тут же приобрела в магазине.

Я упоминаю об этом, потому что разговоров о кошке хватило в офисе дня на три, даже начальник подключился и дал Вике телефон знакомого ветеринара.

То есть в офисе было все тихо, даже Лизавета Павловна ни к кому не цеплялась. Настроение у меня было неплохое: не то помогли эксперименты коуча, не то вечер у Ленкиной мамы – во всяком случае, спала я хорошо, засыпала быстро и не просыпалась от кошмаров.

Александра мне навстречу не попадалась, я уж понадеялась, что она уволилась, и решила забыть все минувшее.

Сколько можно возвращаться к тому, что было полгода назад? Было бы что вспоминать...

И на третью ночь, когда я почти убедила себя, что мне удалось все же прийти в норму, мне снова приснился сон.

На этот раз мне снилось, что я крадусь по облицованному кафелем коридору, сжимая в руке какой-то увесистый пакет...

Да это же коридор бассейна!

Выходит, я прошла через служебный коридор, кладовку и душевую...

А пакет в моей руке – строительная смесь, которую я прихватила в кладовке...

А вот и вход в женскую раздевалку!

Я проскользнула внутрь.

Там не было ни души.

Я притаилась за шкафчиком и приготовилась долго ждать...

Во сне время редко тянется медленно, и вот уже дверь раздевалки открылась, и в нее вошла Александра – в мокром купальнике и резиновой шапочке.

Она подошла к своему шкафчику, открыла его...

Тут же я выскользнула из своего укрытия, подкралась к ней...

Я двигалась медленно и плавно, словно под водой, как это бывает только во сне.

Медленно и плавно я подняла руку с тяжелым пакетом... и обрушила этот пакет на голову Александры.

Она даже не вскрикнула – только беззвучно раскрыла рот. Медленно и плавно она опустилась на пол.

Я наклонилась над ней, все так же медленно надела ей на голову прозрачный пакет, затянула его на шее, немного подождала.

Александра несколько раз судорожно дернулась и окончательно затихла.

Я все же еще немного подождала, а потом подняла ее (она оказалась неожиданно легкой) и затолкала в открытый шкафчик.

Левая нога никак не помещалась.

Я уперлась коленом и с трудом запихала непослушную ногу, захлопнула шкафчик и заперла его на ключ...

И проснулась.

Я была вся в поту – то ли от жары, то ли от пережитого во сне кошмара.

И я очень хорошо помнила свой сон.

Свой ужасный сон.

Я до сих пор отчетливо видела безжизненное лицо Александры, отделенное от меня прозрачным пакетом, ощущала ее последние предсмертные судороги...

Господи, только я подумала, что избавилась от своего наваждения, – и вместо прежнего на меня свалилось другое, еще худшее!

Неужели я теперь обречена каждую ночь, ночь за ночью, убивать Александру? Вот спасибо коучу-то за все хорошее!

А я-то думала, что он и правда помог мне стать нормальным человеком! Нет, этот его метод мне явно не подходит... И вот что теперь делать?

Я пошла под душ – и прохладные струи постепенно смыли с меня ужасный сон.

Я закуталась в мамин еще халат и постояла некоторое время у раскрытого окна. Ночной холодный воздух подействовал благотворно, я успокоилась настолько, что могла думать о своем сне без дрожи.

Немудрено, что мне приснилось такое после того, как я день за днем обдумывала сценарий идеального убийства!

Вот я и увидела это убийство во сне...

Но больше этот сон не повторится! Я стану, стану нормальной!

С этими мыслями я встретила рассвет, потом выпила кофе, потом (вы не поверите!) пере-мыла всю посуду, накопившуюся в раковине за три дня, затем приготовила сытный завтрак, после снова напилась кофе и отправилась на работу.

В нашей комнате я застала Лизавету Павловну. Собственно, в этом не было ничего удивительного, странным был Лизветин вид. Она выглядела почему-то очень довольной и вещала своим громогласным, выразительным, хорошо поставленным голосом:

– Вот вы все помешаны на здоровом образе жизни, на спорте и этом, как его... фитнесе! – последнее слово она произнесла с особенной неприязнью.

– А что вы имеете против спорта и фитнеса? – осведомилась Вика. – Уж вреда от них точно никакого.

– А вот не скажи! – Лизвета таинственно понизила голос, как бывает, когда человек хочет сообщить сенсационную новость. – Знаешь, у Катаева в фирме работала такая интересная девица? Всегда в красном... то ли Алевтина, то ли Альбина...

– Александра, – уточнила Вика.

Я насторожилась.

– Ну да, точно, Александра. Так вот, она каждое утро перед работой ходила в бассейн...

– Как хорошо! – мечтательно протянула Вика. – Поплавать с утра... прямо зависть берет. Но только это же как рано нужно вставать... нет, тяжело...

– Ты подожди завидовать! Доплавалась эта Александра! Убили ее! Прямо там, в бассейне!

Мне показалось, что из комнаты внезапно выкачали весь воздух. Я пыталась вдохнуть – и не могла.

– Как?! – удивленно переспросила Вика. – Не может быть! Что вы такое говорите!

– Ну вот, сразу «не может быть»! Ты меня знаешь, я попусту не болтаю! Не имею такой привычки! Если я что говорю – значит, так и есть! Говорю тебе: убили! – припечатала Лизвета.

– Может, с сердцем плохо стало и утонула? – Вика все еще пыталась найти событиям более привычное объяснение.

Но Лизвета Павловна стояла на своем:

– Ага, утонула! Какое там! Ее в раздевалке нашли, в шкафчике. Кто-то ей на голову пакет надел полиэтиленовый и в шкафчик запихнул... так целый день она в шкафу и пролежала, нашли только вечером, когда раздевалку перед закрытием проверяли. Смотрят – вроде никого нету, а шкафчик один закрыт. Ну, непорядок, конечно, так что ключи запасные взяли, открывают... – Лизвета сделала драматическую паузу, – а на них труп вываливается! Эта самая... как ты говоришь... Ангелина в голом виде! То есть в купальнике.

Тут Лизвета Павловна повернулась ко мне и сочувственно проговорила:

– Что с тобой, Королькова? На тебе прямо лица нет! Это ты все так близко к сердцу принимаешь? Ты ведь эту Алевтину даже не знала! Кто она тебе...

– Александрю, – поправила ее Вика.

– Что?

– Не Алевтину, а Александрю.

– Это без разницы.

– Что-то мне нехорошо... – проговорила я, с трудом справившись с голосом. – Душно здесь... я выйду в коридор...

– До чего же вы, молодежь, слабые... от этого вашего фитнеса никакого толку. Вот мы в вашем возрасте...

Я не дослушала.

Вышла в коридор на подгибающихся ногах, дошла до кулера, выпила холодной воды, но мне не стало легче.

В ушах все звучали слова Лизветы Павловны:

«Кто-то ей на голову пакет надел полиэтиленовый и в шкафчик запихнул...»

В точности так, как в моем сегодняшнем сне... и так, как в том сценарии идеального убийства, который я придумала по заданию коуча Леонида...

Я снова вспомнила свой сон.

До чего же он был подробный и отчетливый!

А что, если это был вовсе не сон?

Что, если я действительно в состоянии умопомрачения пошла в бассейн и убила Александру?

Говорят, при некоторых душевных болезнях такое бывает...

Значит, я сошла с ума? Рехнулась от своей ненависти и воспоминаний! Так на меня подействовало появление Александры в нашем бизнес-центре. А что, сидела себе тихой мышкой, никто меня не замечал, а тут эта стерва снова возникла на моем пути, вот я и сбрендила!

Да, хорошо же на меня подействовали сеансы этого коуча!

И ведь это он подсказал мне, как можно убить Александру, велел все продумать, без него я бы не сообразила. Он-то думал небось, что я таким образом выпущу отрицательные эмоции и успокоюсь, а я вот... Но только я ничего не помню, и проснулась я в собственной постели...

Я стояла в коридоре с потерянным видом. Ко мне подошла знакомая девица из отдела компьютерного дизайна, что-то спросила.

Я ничего не поняла и переспросила:

– Что ты сказала?

– Я говорю, что ты очень бледная. Тебе плохо?

– Да просто душно что-то...

– А ты не беременная?

– Ох, да ты что! Я вообще... ни сном ни духом.

– Может, тебе водички попить?

– Уже.

Она только открыла рот, чтобы еще что-то сказать. Я уже не знала, как от нее отделаться, и тут у меня зазвонил телефон.

Я схватила его, поднесла к уху...

И услышала незнакомый мужской голос, из тех, которые называют козлетоном:

– Полина Юрьевна?

– Да, это я...

– Королькова Полина Юрьевна?

– Ну да... а кто спрашивает?

– Капитан Капитонов, двенадцатое отделение.

От этих слов у меня перехватило дыхание.

Вот только что я узнала об убийстве Александры, узнала, что ее убили именно по тому сценарию, который я сама разработала вместе с коучем, – и вот, пожалуйста, мне уже звонят из полиции!

А этот капитан продолжил:

– Полина Юрьевна, я вас попрошу подойти к нам в отделение. У меня к вам есть несколько вопросов.

– Во... вопросов? – переспросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. – Каких вопросов?

К счастью, девица из отдела дизайна уже ушла.

– А вы подойдите – и узнаете. По телефону я не могу это с вами обсуждать.

Тут я немного опомнилась. Мало ли кто это звонит? Подумаешь, капитан Капитонов, еще бы сказал, что он капитан Копейкин! Однако посылать незнакомого человека подальше все же не следует.

– Слушайте, я вообще-то на работе нахожусь! – Я постаралась, чтобы голос мой не дрожал. – И как, по-вашему, я должна начальству объяснить, что мне срочно нужно уйти в полицию? По какому делу? Начальник мне не поверит...

– Поверит, – успокоил меня капитан, теперь его голос тоже был тверд. – Видите ли, вы мне нужны срочно, а если вы не хотите явиться по звонку, то я могу выслать за вами патрульную машину. Вы этого хотите?

– Нет... – пролепетала я. – Хорошо, я буду...

И уже хотела отключиться, когда сообразила, что не знаю, где находится это самое отделение.

– Ой, постойте! Скажите мне, куда нужно прийти?

– Так я же сказал – в двенадцатое отделение...

– А где оно находится?

– Как, вы не знаете? – В его голосе прозвучало искреннее удивление. Должно быть, капитан не представлял, что существуют люди, которые не знают адрес его родного отделения. И это отчего-то придало мне сил и уверенности.

– Представляете – не знаю. Я вообще-то в полиции была, только когда паспорт получала.

– Ах вот как... тогда запоминайте или запишите. – Он продиктовал мне адрес и под конец добавил: – Скажете, что вы к капитану Капитонову!

Я отпросилась с работы, причем начальник даже ничего не сказал, потому что Лизавета насплетничала ему, что я едва не упала в обморок в коридоре.

Так что через сорок минут вошла в двенадцатое отделение полиции. Сказала дежурному, что меня вызвал капитан Капитонов, и он направил меня на второй этаж.

Поднимаясь по лестнице, я уже была готова к тому, что обратно меня не выпустят.

Я подошла к двери указанного кабинета, боязливо постучала. Из-за двери донесся невнятный возглас, который я посчитала за приглашение и вошла.

Кабинет был маленьким и тесным, в нем было буквально нечем дышать. Слева от двери стоял несгораемый шкаф, справа – письменный стол, за которым сидел маленький человек с большими ухоженными усами, невольно напомнивший мне знаменитого сыщика Эркюля Пуаро. Перед ним лежал раскрытый журнал, в который он смотрел в глубокой задумчивости.

– Вы меня вызывали? – спросила я робко.

– Это смотря кто вы такая...

– Королькова. Полина Королькова.

– Вот как! А вы, случайно, не знаете, Полина, столицу Нигерии?

– Что? А, нет, не знаю.

– Слово из шести букв.

– Все равно не знаю.

До меня дошло, что этот усатый тип разгадывает кроссворд.

– Вы меня для этого вызвали?

– А я вас вообще не вызывал.

Усатый приподнялся и крикнул куда-то за шкаф:

– Капитоныч, к тебе тут девушка пришла!

Только тут я заметила, что за шкафом стоит еще один стол, жутко заваленный бумагами. За этим столом на первый взгляд никого не было, но вдруг за ним послышалась какая-то возня, и из-под стола показалась растрепанная рыжая голова, а следом за ней вылез долговязый парень. В руке он держал какую-то мятую бумажку, на лице у него было победное выражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.